

18+

Уайт Визард

Диорхинийская сага

Начало пути

Уайт Визард

Диорхинийская сага. Начало пути

«Издательские решения»

Уайт Визард

Диорхинийская сага. Начало пути / Уайт Визард —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508736-2

Дебютная книга Уайта Визарда «Начало пути» — это первая книга из диорхинийского цикла. Увлекательный сюжет произведения перенесет читателя в мир царств фэнтезийного континента Диорхинии, где идет борьба за власть между законными королями и их лживыми вассалами. Лангетонам и Каппарисам предстоит подписать историческую унию в то время, как зловещая аура Северного предания уже охватила всю Диорхинию! А молодому бастарду Финли нужно пройти долгий путь, чтобы познать себя и найти верных друзей!

ISBN 978-5-00-508736-2

© Уайт Визард
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Диорхинийская сага Начало пути

Уайт Визард

© Уайт Визард, 2020

ISBN 978-5-0050-8736-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель! Я очень старался, когда создавал свой труд! Рад, что ты купил мою книгу, и мы подружились! За два года я придумал целый континент – Диархинию, расписал государства, которые на нем находятся, народы, которые его населяют. В моем романе ты встретишь яркие персонажи с интересными характерами, имеющие личные мотивы, побуждающие их на подвиги и опускающие до предательства.

«Начало пути» – это лишь первая книга Диорхинийского цикла, из которой ты узнаешь о главных действующих лицах романа, их судьбах, о самой Диорхинии с её удивительной географией и сложной системой графств! Я познакомлю тебя с верованиями народов Диархинии, их хозяйственной деятельностью и историей.

Спасибо за поддержку всем, кто был со мной на пути написания книги! Отдельная благодарность издательству «Ridero» за возможность опубликовать роман! При появлении каких-либо вопросов, пожеланий и предложений прошу написать мне на почтовый ящик vagizm@yandex.ru.

Уайт Визард/07.09.2019

Глава 1

Солнечный свет яркими лучами ворвался в помещение комнаты, как неожиданный гость, через небольшое оконце, что располагалось в её северной стене. Комната была небольшая, но вполне уютная и чистая – видна была забота, с которой за ней ухаживали. Средних размеров дубовая кровать с мягкой периной стояла головным концом у восточной стены, а ножным смотрела на шкаф с книгами в толстых кожаных переплетах у противоположной. Среди книг, которых было не так уж и много, имелись: «География Царств и Стонджа», «Фехтование мастера Монте», «Основы гимнастики». Под плотным пуховым одеялом на кровати лежал юноша или даже скорее отрок. На вид ему было не больше шестнадцати, он имел тонкие и выразительные черты лица, волевые нос и подбородок и темные короткие волосы.

Солнце в конце концов стало полноценным хозяином комнаты и озарило своим светом лицо отрока, и тот открыл умные зелёные глаза. Спать ему уже не хотелось, тем более Финли, так звали его, лег очень рано вчера. Он активно потянулся, а затем бодро сел на кровать, скинув ноги на пол. На нем были недлинные льняные брэ, а торс был оголен, так как он не любил спать в камизе. Он был совсем еще тонок, словно мальчик. Не ощущалось в его грациозной фигуре грубых жил, кроме живота, на котором были видны кубики мышц, появившихся в результате его каждодневных занятий фехтованием и гимнастикой; какой-либо явной мужской растительности на его теле тоже не было: казалось, что его кожа была гладкой, как шелк. Одним словом, во всем его портрете определялся образ отрока, готового стать взрослым и решительным молодым человеком.

Финли привычным взглядом осмотрел помещение комнаты и остановил свой взор на тяжеловесном платяном шкафу, что стоял рядом с окном. Он отыскал под кроватью свои теплые тапочки и, надев их, проследовал к нему. Через некоторое время, порывшись в шкафу, он уже натягивал на себя шоссы, затем «нырнул» голым телом в белую льняную камизу, а поверх накинул темную котту, которая не отличалась ни богатством, ни качеством изготовления. А на ноги он надел черные кожаные сапоги. Когда с одеванием было покончено, Финли ощутил легкое бурчание в желудке и вспомнил, что за вчерашними занятиями фехтованием по книге мастера Монте, которое отнимало уйму времени, он совсем забыл про ужин. Через пару секунд в его руке зазвенел железный колокольчик, а уже вскоре в комнату вошел полный человек в длинной серой котте с капюшоном, подпоясанной кожаным ремешком.

Выразительное лицо, нос картошкой, пухлые щеки и губы и короткие волосы ершиком определяли в этом человеке доброту, а сконцентрированный взгляд и отсутствие дурашливых эмоций – ответственность. В руках он нес железный поднос, на котором лежала миска с супом, немного бараньих отбивных на косточке, пару этардских булочек и бокал прекрасного эвезского вина. Человек, по всей видимости, являвшийся слугой, неторопливо поставил поднос на стол, что стоял у южной стены комнаты рядом с единственным стулом, и произнес: «Милорд, я как раз собирался идти к вам. Вы позвонили очень вовремя – еда только-только разогрета!» В голосе слуги чувствовались забота и теплота.

– Тысячу раз тебя просил не называть меня милордом, – с легким негодованием в голосе произнес Финли. – Я понятия не имею, кто мои родители, которых я никогда не видел. Милорд имеет титулы от рождения, а не знаю своего происхождения.

– Простите, но я ваш слуга, поэтому должен обращаться к вам с почтением.

– Я знаю тебя с детства, Бобри, ты был мне и отцом и матерью, – с благодарностью в голосе произнес Финли, подойдя к слуге и положив свою руку на его плечо. – Ты полоскал меня в тазу, кормил, учил читать и писать, этикету и манерам, рассказывал сказки на ночь и познавал со мной географию и другие важные науки. Разве это не заслуживает того, чтобы ты прекратил обзывать меня «милордом» и отнесся ко мне, как к своему другу?

– Спасибо, хозяин, я учту ваши пожелания, – сказал Бобри. Слова Финли, видимо, его растрогали, и он заплакал, но постарался затем скорее смахнуть слезы с лица. – Прошу лишь об одном в ответ, не теребите больше мою тонкую натуру своими великодушными словами и садитесь уже есть, иначе все остынет.

– Тут ты прав, Бобри, – надо уже и поесть, – произнес Финли, потирая ладони в предвкушении долгожданного завтрака. – Я жутко голоден!

Финли начал трапезу с супа, затем приступил к отбивной из свинины. Бобри стоял рядом и внимательно следил за тем, как его господин аппетитно чмокал от изумительного вкуса еды, которую он готовил ему с любовью все утро. Бобри прочитал много кулинарных книг за свою жизнь и готовил всегда с душой. Сам процесс приготовления блюд доставлял этому толстячку огромное удовольствие, но еще больше он радовался, когда его «варево» нравилось хозяину.

– Очень вкусно! – произнес Финли, когда с завтраком было покончено и пора было выпить любимого компота из сухофруктов. Он поднес бокал ко рту, но вместо привычного сладковатого запаха до него донесся спиртово-ягодный аромат. – В честь чего у нас сегодня вино, Бобри? Я вроде еще мал, чтобы пить спиртное по утрам!

– Хозяин, вы наверно позабыли, но сегодня необычный день! – ответил Бобри, радостно что-то предвещая. – Сегодня день вашего рождения, поздравляю вас!

– Бобри, а я и вовсе позабыл об этом, спасибо тебе, – немного растерянно произнес Финли, лицо которого вскоре приобрело расстроенное выражение. – Ты знаешь, мне сегодня шестнадцать лет, а я нисколько не рад, ведь кроме тебя никто не придет меня поздравлять. Я до сих пор не знаю своих родителей и причины, по которой я вынужден быть человеком без рода и племени. Бобри, может быть, сегодня ты раскроешь мне тайну моего происхождения?

– Хозяин, я уже много раз говорил, что я ничего не знаю, – решительно ответил слуга. – Я прибыл в этот замок шестнадцать лет назад и никогда не забуду день знакомства с вами: всадник в черном передал мне вас младенцем у входных ворот и наказал служить вам.

– А как же ты сам оказался здесь? – спросил Финли.

– Это был приказ моего прежнего господина, который отправил меня в этот его пустующий замок, чтобы я проследил за его сохранностью и чистотой.

– А как звали твоего господина? – продолжал расспрашивать Финли, что было для Бобри затруднительным моментом каждый раз, когда подобное происходило. Он начал раздражающе, будто игнорируя Финли, молчать и отвел свой взгляд в сторону от глаз хозяина. – Ну, не томи, Бобри, ты не выносишь, когда так молчишь. Просто скажи, как звали твоего господина?

– Если вам станет легче, то его звали Бенеит, – наконец-то произнес слуга.

– Мне это имя ничего не говорит, – сказал Финли и выжидающе продолжил смотреть на слугу в надежде, что тот добавит еще какую-нибудь важную информацию о своем прежнем милорде.

– Ну, если ничего не говорит, тогда прекратим эти разговорчики, хозяин, – торопливо пробубнил Бобри и начал суетливо класть посуду со стола на поднос, пытаясь скорее уйти от разговора.

– Бобри, ну почему тебя так тяготит эта тема? – разочарованно спросил Финли, отпив немного вина из своего бокала. – В конце концов, я ведь должен узнать свое происхождение. Мне надоело жить в полном неведении. Я не понимаю, куда я двигаюсь и для чего, что меня ждет. Иногда, я чувствую, что должен жить не так, а совсем по-другому. Меня не покидает ощущение, что я должен совершить нечто значимое, а не просто торчать без дела в этом замке в Фарете.

– Хозяин, нужно иметь терпение и подождать, тогда все станет ясно, – философски ответил Бобри, стоя с подносом в руках, на котором лежали грязная посуда и объедки, только-только собранные со стола.

– Ты так постоянно говоришь, Бобри, и легче мне от этого не становиться, – сказал Финли, допивая вино в бокале. – А что, если не ждать, а попытаться самому все выяснить? Я могу до самой старости просидеть в Фарете и ничего не узнать. А так, появится хоть какая-то надежда, что я разгадаю тайну своего происхождения.

– О чем это вы, хозяин? – взволновано спросил Бобри, небрежно поставив поднос обратно на стол. Он был настолько ошарашен последними словами Финли, что чуть не выронил поднос из рук. – Вы случайно не надумали покинуть замок?

– А почему бы и нет! – решительно произнес Финли. – Находиться в этом замке всю жизнь и не знать ничего об удивительном мире вокруг, о своих родителях, о своих корнях, не понимать своего предназначения – это худшее, что только можно представить себе.

– Не вздумайте, хозяин, это плохая затея, – предупреждающим тоном произнес Бобри. – Мир вокруг полон опасностей, как бы красив он не казался со страниц учебника по географии царств. Если вы уйдете, то есть риск, что мы больше не встретимся с вами, ведь вы можете погибнуть в пути.

– Бобри, дорогой мой, я уже ничего не боюсь так сильно, как прожить всю жизнь и не узнать ничего о самом себе, поэтому обещать тебе не могу, что не покину родные края, – сказал Финли, интонацией указывая на то, что ничего его не удержит от исполнения самых безумных затей.

– Вы совсем с ума сошли, хозяин! – взволнованно и суетливо затарахтел Бобри. – Я этого не допущу, из замка ни ногой!

– Вот, значит, какой ты строгий! Ни ногой говоришь! – шутливо произнес Финли, явно пытаясь изобразить командный тон своего слуги. – Бобри, успокойся наконец-то! Ты должен понять, что мне шестнадцать, а не одиннадцать лет и я уже готов определить свой путь самостоятельно. Ты мне очень близок и я ценю твою заботу, но внутренний голос постоянно велит мне совершить нечто значимое и познать самого себя.

На некоторое время Бобри замолчал и о чем-то глубоко задумался. По всей видимости, его терзали какие-то сомнения и страхи, но он явно готовился сказать что-то важное. Его гримаса выражала сложный мыслительный процесс, полный борьбы противоречий. Финли ждал от него какого-то откровения, поэтому и не прерывал затянувшееся молчание.

– Хозяин, я подумал и решил, что долг не разрешает мне поощрять подобные ваши идеи, но сердце старого служака говорит иначе, советуя мне благословить вас на решительные поступки. В конце концов, вы еще слишком молоды и вполне заслуживаете лучшей участи, чем жить со мной в этом «склепе», – наконец-то сказал Бобри, и с его глаз опять скатились слезы.

Финли встал со стула и обнял его. Бобри начал рыдать навзрыд, видимо, его старое сердце тяготило возможное скорое расставание со своим хозяином.

– Я всегда знал, что ты поймешь меня, мой верный друг! – с теплотой в голосе произнес Финли. – Тогда собери меня в дорогу сейчас же, и сегодня я отправлюсь в путь.

– Так скоро? – удивленно спросил Бобри, прекратив обниматься. – Я думал, что вы еще только мечтаете. Вот значит как – вы все обдумали ранее. Какой же я дурак – это следовало полагать!

– Ты прав, я уже готов и даже составил маршрут, – произнес Финли и достал из небольшого сундучка, что стоял на столе, небольшой пергамент, на котором была нарисована карта. – Вот, смотри, Бобри, – это Фарет, – произнес Финли и ткнул пальцем в черную точку на пергаменте, – я поеду на юг по Большому королевскому тракту, пересеку реку Нифлен и поскачу напрямик в Этард. Затем, я направлюсь по все тому же Королевскому тракту к Эвезу вдоль Храмовых гор, оттуда я найму проводника и пройду через Тягучие болота и Дикий лес и выйду к Кабнару, а уж там решу, куда ехать дальше!

– Хозяин, я почти не сомневаюсь, что вы доедете до Эвеза без особых проблем, но вот в Кабнар вам соваться точно не стоит – там живут дикари, – предупреждающе произнес Бобри. – Это плохая затея!

– Бобри, поверь, если уж я решил, то не отступлюсь ни на шаг, ведь возможно, именно на этом опасном пути я узнаю что-то важное о себе.

– Хозяин, я совсем забыл вам кое-что отдать, – произнес Бобри, внезапно сменив направление мысли. Он порылся в карманах своей котты и достал оттуда тканевой мешочек.

– Опять? – спросил Финли с интонацией, по которой было понятно, что он догадывался о содержимом мешочка.

– Да! – довольным голосом произнес Бобри. – Кто же странно этот неизвестный благородный вельможа, который каждый год отправляет вам в подарок эти деньги?!

– Я бы тоже хотел узнать, – ответил Финли, взяв мешочек из рук Бобри.

Он ослабил шнурок и заглянул внутрь – в нем лежали золотые монеты. Каждый год кто-то отправлял ему на день рождения ровно сто империков. Сумма эта была невероятно большой по меркам Нижнего царства, и не каждый крестьянин мог заработать столько даже за десять лет. А тут их просто так присылал некий богатый человек, что сильно смущало Финли, который начинал теряться в догадках о собственном происхождении еще больше. Бобри объяснял этот факт причудами, которыми славились богатые вельможи в разных уголках Нижнего царства. По его словам, никто не мог запретить состоятельному графу или лорду взять и отправить сто империков кому только он не пожелает просто так, от доброты душевной! Деньги же эти Финли и Бобри тратили на пополнение запасов замка в еде и вине, на починку крыш и ворот, на содержание замковых крестьян, на любые хозяйственные нужды, то есть, одним словом, на жизнь! Внимательно просмотрев несложную бухгалтерию их хозяйства, сложно было представить, как они вообще бы жили без этих денег вот уже шестнадцать лет.

– Только прошу вас, хозяин, не разглашайте по пути, что у вас есть с собой сбережения, иначе вас быстро обчистят – в дороге будут попадаться мошенники и грабители.

– Будь уверен, Бобри. Я же не такой глупый, чтобы «пылить» повсюду про деньги, которые везу с собой, – уверенно сказал Финли, будто ему говорили о прописных истинах, которые ему были известны и так.

– Я сошью вам потаенный карман в котте, где вы будете хранить часть своих империков.

– Это не повредит, я думаю, – произнес Финли, присматривая взглядом место на своей котте, куда можно было бы изнутри пришпандорить карман.

Днем Бобри собрал для Финли все вещи и снарядил коня. Среди вещей был зеленый узелок для ношения за спиной, а в него он положил уйму съестных припасов: друальскую мясную колбасу, пирожки, бараньи ребрышки, фляжку шестидесяти процентного спиртового шнагеля на всякий случай. Черный жеребец, принадлежавший Финли, по кличке Яблочко был накормлен и приведен в достойный вид. Слуга вычистил тело коня специальной щеткой, гриву аккуратно расчесал, а еще подковал его у лучшего кузнеца в Фарете, к которому успел съездить после утреннего разговора с хозяином. Жеребец был ретивый, с характером, а также жутко охоч был до яблочек, с чего и получил свое забавное прозвище. Финли любил его: бывало, часами мог носиться на нем в округе Фарета, обскакивая необузданную мощь, которая так и лезла из этой приземистой, но крайне выносливой животины.

– Бобри, я готов! – радостно произнес Финли, выходя из ворот невысокого донжона замка. – Сегодня отличная погода для путешествий!

– Лето в самом разгаре, хозяин! Отлично, что хоть жара отступила в последние дни! – сказал Бобри, положив свою пухлую руку на хребет Яблочка.

– Мне немного грустно уезжать отсюда, – с тоской произнес Финли, оглядывая внутренний двор замка и небольшой амбар на его территории, окруженные по периметру крепостными

стенами с двумя башенками, повыше - с северной стороны и двумя пониже - с южной. – Тут я вырос, тут я чувствовал себя как дома.

– А может, еще передумаете ехать, хозяин? – с некоторой надеждой в голосе спросил Бобри. – Мне будет здесь тяжело одному: и уборка, и заготовка дров к зиме, а если кто-нибудь решит напасть на замок?

– Бобри, Фарет находится в сердце Нижнего царства, а совсем недалеко отсюда, в Друале, живет сам король, поэтому никто и никогда не посмеет напасть на наш милый дом!

– Хм... Тут вы правы, хозяин, – развел руками Бобри.

– А если что, то у тебя есть Шен и Готби, – произнес Финли, показывая пальцем на тоскующих от безделья на крепостной стене двух приземистых мужичков. Один из них был светловолосым средних лет мужчиной, на голове которого был яйцевидный шлем с наносником, а на теле – легкие стеганные доспехи коричневого цвета. А второй мужик был упитанным и без шлема, с густыми темными волосами. Оба были замковыми крестьянами, которых Бобри периодически снаряжал в дозор на стену, заботясь о безопасности.

– Эти?! – ухмыльнулся Бобри, глядя на то, как один из них, тот, что был без шлема, лениво зевнул. – Вчера поручил им накосить сена для амбара и отпустил в поле, а они вместо этого ушли в город и надрались шнагеля, как самые настоящие свиньи. Из них работники, как из меня рыцарь! Другое дело – вы, хозяин! С вами мы всегда трудились на славу.

Финли действительно любил работать в хозяйстве замка и не чурался крестьянского труда. Летом они с Бобри косили сено и запасали его для Яблочка, еще одной кобылы и нескольких свиней, рубили дрова в подлеске поблизости, а зимой – сгребали снег с крыш и очищали двор. Казалось, что господский статус Финли должен был противиться такой близости со своим слугой, но Финли не ощущал необходимости изображать из себя аристократа. Тем не менее он чувствовал свое превосходство перед ним, а иногда в нем появлялось необузданное лидерство, и он не понимал его природы. Однажды, когда он с Бобри пошел в лес за ягодами, его верный слуга потерял тропку, и они забрели в чащобы. После долгих скитаний по кругу Финли отстранил его от роли проводника и решил использовать свои познания. Отыскав ближайший муравейник, он определил по направленности его вершины расположение сторон света, и вскоре, они смогли выйти из леса. Долго еще после этого Бобри бухтел про то, что не может мальчуган так вот, сходу, найти дорогу из глухого леса притом, что в лесу этом бывает лишь раз в год.

– Бобри, я обязательно вернусь и буду помогать тебе по хозяйству, -обнадеживающе произнес Финли, хотя уверенности в том, что он вернется слишком быстро, у него не было.

– Хозяин, подойдите ко мне поближе, – попросил Бобри. – Я хочу вам дать кое-что.

Бобри достал из кармана котты какой-то блестящий предмет на цепочке. Финли сделал пару шагов и удивленно уставился на его руки, которые ловко играли с предметом, не давая Финли внимательно рассмотреть блестящую вещицу. Когда Бобри, в конце концов, ухватился обеими руками за цепочку, на ней повис удивительной красоты медальон размером с пол ладони. В его центре красовалась буква «Л», которая тоненькими серебряными мостиками соединялась с круглой каймой.

– Хозяин, и не спрашивайте меня, каково предназначение этого медальона и откуда он у меня, – произнес Бобри. – Я не больше вашего знаю о нем. Тот человек в черном, который привез вас шестнадцать лет назад, попросил дать его вам на случай, если вы когда-нибудь захотите покинуть замок в Фарете. Он предупредил, что этот медальон дает право его обладателю на защиту одним очень знатным господином, имя которого он тоже не назвал. Он также попросил, чтобы вы не бравировали медальоном по пустякам, иначе вы поставите своего покровителя в неловкое положение. Вот, примерно так, хозяин.

– Да уж. Загадок меньше не становится, – произнес Финли. – Это все очень странно, Бобри. Кто же этот человек в черном? И что значит буква «Л» на медальоне?

– Можно только догадываться, – ответил Бобри и надел медальон на шею Финли, а затем, аккуратно и заботливо спрятал его под камизой хозяина.

– В любом случае, он понадобится в дороге, – сказал Финли, – а его происхождение я непременно выясню. Кстати, тот единственный меч в нашем замке, которым я фехтовал, я заберу с собой.

Финли достал из ножен короткий двухлезвийный меч, с плоховыраженным острием и железной рукоятью. Гарда меча была выполнена в форме восьмерки. Финли секунд десять посмотрел на сверкающее отраженными лучами солнца лезвие меча и ловко засунул его в ножны обратно.

– Молю Туриса, чтобы вам не пришлось применять его, хозяин, – с надеждой в голосе произнес Бобри. – Однако дорога вас ждет опасная и, скорее всего, вам будет этого не избежать.

– Не будем гадать, мой верный Бобри, я верю в лучшее! – произнес Финли и закинул узелок за спину, а затем бодро вскочил на Яблочко. – Тяжелый узелок, Бобри, небось, наложил туда друальской колбасы на всю неделю?!

– Дорога разыграет ваш аппетит! А в узелке есть все, что нужно! – гордо произнес Бобри, ощущая свою заслугу в подготовке Финли к пути.

– Бобри, до встречи, – сказал Финли и пришпорил Яблочко, – увидимся совсем скоро!

– Будьте осторожны, хозяин, – произнес в ответ Бобри, наблюдая за стремительно убегающим вдаль Финли. – Да хранит вас Турис и Аспаис, если хоть кто-то из них про вас знает.

Финли поскакал от своего замка в сторону Фарета, в который ему нужно было заехать, чтобы попасть на Большой Королевский тракт, не объезжая город стороной. Погода была чудесная: невыносимая жара спала, дул легкий июньский ветерок, дышалось легко и приятно. Листва деревьев, что росли небольшими посадками на равнинах вблизи Фарета, была насыщена зеленым цветом и весело поигрывала на ветру. Людей поблизости с городом наблюдалось немного: лишь местами труженики крестьяне возились на пахотных землях, да купцы то заезжали, то выезжали из Фарета. Финли въехал в город с северной стороны и, не торопясь, направился к его южным воротам.

Фарет встретил его бойкой разноголосицей жителей. Вдоль его центральной улицы стояли невысокие двухэтажные дома, в каждом из которых уютно ютились несколько семей, арендуя свой скромный угол у жадного домовладельца, который, вероятнее всего, гулял целыми днями напролет где-нибудь поблизости, выясняя, кто из его постояльцев пьян, а кого нужно выловить и заставить платить аренду за предыдущий месяц! На первых этажах домов, как правило, располагались мастерские, булочные и прачечные. Финли нечасто бывал в Фарете и поэтому с большим любопытством озирался по сторонам, пока его конь размеренно вышагивал каждый метр по булыжной дороге центральной улицы. Вот он созерцал прачку, старательно натиравшую белье об ребристую доску, а чуть поодаль от неё – булочника, несшего на противне свою выпечку, чтобы выложить её на прилавок возле дома. Где-то проезжал купец с зерном, дабы продать его на рынке, а где-то гончар крутил свой круг, изготавливая вычурные сосуды из глины, чтобы отправить их художнику, который затем оформлял на них узоры красками. Вся эта жизнь и активность сопровождалась бойкими разговорами и прибаутками, а местами – ворчанием и руганью.

Финли выехал из города через четверть часа с того момента, как оказался в нем, после того, как наконец-то смог объехать все преграды в виде людей и повозок, не задев никого при этом и не спровоцировав ненужных ситуаций. А ведь подобное всегда могло произойти. К примеру, где-то оботрешь конем торговку, которая тут же непременно «выльет» на тебя множество ругательств, где-то не так перейдешь дорогу рыцарю, который наверняка не упустит возможности вызвать тебя на поединок, а где-то просто-напросто твой конь наложит кучу навоза, что явно не вызовет радости у хозяина, подметавшего улицу у своего дома все утро. Но слава Турису и Аспаису, это все миновало Финли, а его взору открылась большая дорога на юг.

Большой королевский тракт, как его называли жители царств, был натоптан сотнями и тысячами лошадиных копыт, что ежедневно проходили по нему от Эвеза до самой Варзы. От тракта несло движением и чем-то новым, какой-то неизвестностью. Финли часто слышал от Бобри предостережение о том, что выходить к тракту лишний раз без надобности опасно, ведь никогда не знаешь, какого проходимца может занести на большую дорогу – мошенника или грабителя, от чьих коварных рук может пострадать добропорядочный путник.

Финли ненадолго остановил Яблочко и оглянулся на юг, чтобы напоследок запечатлеть близкие сердцу места. Ветер дул прямо в его лицо, безмолвно подтверждая верность выбранного им пути, и это было символично. Отбросив сомнения, он уверенно посмотрел вперед, на юг, куда его звал за собой попутный ветер, где его ждала новая жизнь. Он от души прищипорил коня, а тот в ответ заржал и дернул с места с той прытью, что дала ему мать природа. Минута за минутой, час за часом, Финли удалялся все дальше от родных краев. Земли, которые ему приходилось проезжать, были равнинными, с красивыми лугами и золотистыми пашнями. Лишь изредка встречались холмы, на которых стояли мельницы. Наверняка урожаи на этих равнинах кормили своих владельцев весь год, давая им к тому же заработать империк тот другой в личную казну. Не во всех краях царств могли похвастаться такими черноземами. Тот же Айронвиль и его окраины славились больше углем и рудами, а хорошего зерна там и не видали вовсе. Кабнарцы же, обросшие лесами да болотистыми топями, промышляли лишь рыбной ловлей и охотой. А хлеб любили все, и без него жизни не было нигде, поэтому именно черноземные области славились самойхозяйственной знатью и одними из самых богатых рыцарей.

Путь Финли лежал к большой реке Нифлен, что текла от Храмовых гор через степи Этарда, питая его плодородные земли, и до земель повстанцев, где невдалеке от Рабаля она впадала в Южное море. Финли был зорек и наблюдал вдали Храмовые горы, которые благородно высились над равнинами Нижнего царства. Финли читал когда-то, что в этих горах ютились множество ведунов, чернокнижников и целителей, верующих в Туриса, Аспайса и не только. Храмовые горы были наполнены духом чего-то неизведанного и временами пугающего.

А вечер тем временем наступил незаметно. Дорога прилично утомила Финли – он был голоден и хотел отдохнуть. Сумерки не давали разглядеть ему далеко ли река Нифлен, и он решил, что пора искать ночлег. Он притормозил коня, осмотрелся по сторонам и увидел, что на тракте уменьшилось количество всадников и груженных телег. «Наверняка многие путники давно уже подыскали себе пристанище на ночь», – подумал Финли. Он также заметил небольшую дорожку, ведущую куда-то в сторону леса вдали от тракта, где приблизительно в миле виднелся белый густой дым. Он решил, что там есть какая-нибудь деревенька. Недолго думая, Финли направил Яблочко по этой дорожке. Смеркалось все сильнее и становилось страшно-вато, но мысль о скорой встрече с местными жителями успокаивала его.

До кажущегося совсем близким белого дыма пришлось проехать приличное расстояние по узкой дороженьке подлеска. Дым этот, как предположил Финли, исходил из трубы дома, где топили печь. Чем ближе Финли подъезжал к лесной чащобе, тем дым становился более явными, а запах горения ощущался все острее. Финли на секунду подумал: «Зачем топить печь в июньский день, ведь на улице и так тепло. Может быть, готовят что-то? Но на дворе уже почти полночь – кто готовит так поздно?»

Через некоторое время он приблизился к источнику дыма настолько близко, что уже четко определил, что он шел не из трубы дома, а от костра во дворе небольшой хибары, которая была типичной для сельских жителей этих равнин: имела четырехстороннюю покатуую крышу, покрытую соломой, и бревенчатые просмоленные стены. Во дворе хибары сутились два силуэта, что-то активно подбрасывая в костер. При виде приближающегося всадника женский округлый силуэт вполголоса гневно заверещал:

– Говорила тебе, дурень, не жги костер – навлечешь беды!

– Откуда же я знал, что его будет видно кому-то, – оправдывался в ответ худощавый мужской силуэт.

Их голоса с каждым метром становились все более отчетливыми, но, похоже, самим хозяевам казалось, что их не слышно вовсе.

– А вдруг это сборщик налогов? – опять строго заверещала женщина.

– Что делать сборщику налогов в такой час? – недоумевая, спросил в ответ мужчина.

Финли, в конце концов, доехал до забора вокруг двора хибары и смог внимательно разглядеть женщину у костра, чье лицо озарял свет ярких языков пламени. Она оказалась полноватой холопкой, не совсем еще старой, но уже перекатившей за средний возраст, с растрепанной копной волнистых волос, торчащих во все стороны, одетой в рваную льняную котту темно-зеленого цвета. Женщина сделала то же самое и внимательно изучила Финли. Через некоторое время после взаимного безмолвного осмотра она наиграно улыбнулась Финли и нарочито любезно спросила:

– Чего желает господин в наших краях?

– Добрый вечер! Я устал сегодня в дороге и мне нужен ночлег. Не пустите ли меня к себе? – учтиво спросил Финли, внимательно разглядывая их хозяйство и костер, разгоревшийся настолько сильно, что уже было сложно понять, что в нем жгли.

– Хибара наша мала и вам вряд ли будет уютно у нас, – произнес мужчина. Он был примерно такого же возраста, что и женщина в лохмотьях. Волосы у него были седоватыми, но лицо еще совсем не старым, а сам он был суховат и поджар, что определяло его отличную физическую форму.

– Мне совершенно не нужен уют – лишь кровать и крыша над головой. Я готов заплатить вам, – произнес Финли, пытаясь убедить их пустить его в дом.

– Ну, если вас устроит кровать с соломенной подстилкой, то тогда, пожалуйста, – сказала женщина. – Но вот с ужином будет проблема – наша еда вам однозначно не понравится – мы едим лишь кашу.

– Ничего страшного, у меня имеются свои припасы! – радостно произнес Финли и прыгнул с Яблочка на землю. – Есть еще одна просьба – накормите и напоите моего коня, пожалуйста, и загоните его в амбар.

– Ценаш, слышал, что сказал благородный господин? Чего стоишь? Бери лошадь и веди её в постой! – грозно приказала женщина. Суховатый и поджарый холоп, не медля, подбежал к Финли, суетливо взял коня за узду и повел его во двор.

Финли успел заметить на шее мужчины, чье имя, по всей видимости, и было Ценаш, связку с зубами какого-то животного. Она была выполнена в виде некоего амулета, а зубы на ней были от хищника – их было три-четыре, и они потемнели от времени. Он не замечал прежде подобных культовых вещиц на крестьянах Друальского графства. Ему показалось это интересным, но он не стал углубляться в размышление о предназначении этой связки зубов, ведь усталость брала свое, и ему скорее хотелось поесть и лечь спать.

– Лумпита, кормить лошадь нечем! – вдруг произнес Ценаш, остановившись на полпути к постой.

– Господин, простите дурака – он не соображает, что говорит! – сказала женщина, лукаво улыбнувшись Финли. Затем она повернулась в сторону Ценаша и грозно прокричала:

– Идиот, дай лошади яблок, что валяются за домом!

– А у вас в хозяйстве разве нет живности? – удивленно спросил Финли. Было довольно странно, что крестьяне не держали одного, двоих хряков на мясо – все так делали.

– Мы только недавно сюда переехали и еще не успели завести скотину, – начала оправдываться Лумпита. – Вскоре заведем.

– Понятно, – сказал Финли. – Ну, ничего страшного: мой конь до жути любит яблоки и с удовольствием поест их вместо сена. Его, кстати, именно из-за любви к яблокам и зовут – Яблочко!

– Яблочко! Какое отличное прозвище для лошади, господин! У вас очень красивая лошадь, – льстиво заверещала Лумпита. – Господин, пойдете со мной – я отведу вас в дом!

Лумпита взяла Финли за руку и потянула за собой по направлению к входной двери дома. Финли почувствовал, что её ладони были грубыми и шершавыми: видимо, она вовсе не следила за кожей рук. Пройдя через низенький проем, они попали внутрь хибары. В ней было отвратительно: немывые, темные от сажи полы, каждый шаг по которым сопровождался поскрипыванием; главная комната дома была плохо освещена несколькими свечами, стоявшими на столе у маленького оконца; в доме была каменная печь, которую не топили, потому что на улице было тепло; хозяйская кровать на двоих стояла у дальней стены комнаты, и на ней небрежно лежали темные от грязи одеяло и подушка.

– А где же спать мне? – спросил Финли, не найдя взором обещанную ему кровать с соломенной подстилкой.

– Не беспокойтесь, господин! – ответила Лумпита, таинственно улыбнувшись ему. – У нас есть темная за печью, пойдете.

Она подошла к печи, которая находилась чуть менее метра от дальней стены комнаты и прошмыгнула сбоку от неё – Финли направился за ней. Действительно, в стене рядом с печью располагалась еще одна дверь, зайдя в которую Финли обнаружил комнатку метр на полтора, в которой располагалась короткая и узкая кровать с соломенной настилкой.

– Располагайтесь, господин! – произнесла Лумпита и улыбнулась. На это раз Финли заметил, что у нее не хватало нескольких зубов.

– Благодарю вас! Вначале я хочу поесть – можно ли воспользоваться вашим столом? – спросил Финли, бросив свой узелок на кровать.

– Конечно, конечно, господин, но вначале дайте мне десять лангетонов за ночлег, – ответила Лумпита, протянув ему свою грязную и шершавую ладонь. Финли заметил, что на её запястье висел примерно такой же амулет с зубами, что и на шее её мужа.

– Меня устраивает эта сумма, – произнес Финли и потянулся к своей кожаной сумке, висевшей на ремешке на правом плече, в которой он хранил часть денег. Другую часть Бобри аккуратно вшил в потаенный кармашек внутри котты Финли, расположив его в том месте, где котта соприкасалась с животом с внутренней стороны. Достав один империк, он протянул его Лумпите и произнес:

– Вы не могли бы дать мне сдачу?

– Господин наверняка шутит?! Откуда у крестьян столько сдачи? Мне нужно дать вам девяносто лангетонов, а у меня никогда таких средств не водилось, – произнесла Лумпита, в голосе которой ощущалась ирония по поводу наивной простоты Финли.

– Что же будем делать, ведь денег меньше у меня нет? – озадаченно спросил Финли.

– Господин позволит нам с мужем сделать ему подарок и пустить его на ночлег бесплатно? Мы же не можем оставить путника ночью на большой дороге без крыши над головой!? – спросила Лумпита.

– Это очень благородно с вашей стороны, но мне не удобно, – замялся Финли, не ожидав такой щедрости от крестьянки.

– Все в порядке, господин, располагаетесь и ешьте, а потом ложитесь спать, а у меня с Ценашем есть еще дела по хозяйству, – произнесла Лумпита и похлопала его по плечу.

– Спасибо вам – вы очень гостеприимные люди! – радостно произнес Финли.

В его голове, однако, с трудом укладывался факт каких-то полуночных дел Лумпиты и её мужа по хозяйству, но и в этот раз у него не возникло желания вникать в их странности. Лумпита покинула его и ушла во двор, а Финли аккуратно достал из своего узелка друальской

колбасы, немного пирожков и направился к столу в общей комнате. Стол этот был омерзительно загаженным: на нем лежали сухие крошки от хлеба, повсюду были парафиновые капли от свеч, а сгруженная невымытая посуда уже проплесневела. Финли собрал все тарелки и ложки и убрал их на подоконник, затем отыскал тряпочку и протер стол так тщательно, как только мог, а потом расстелил немного папируса и положил на неё свою еду.

Медленно, со вкусом он начал есть колбасу, прикусывая её пирожками с яйцами и рисом – еда была отменная и свежая. Сочное мясо в колбасе из родного Фарета в сочетании с приятным тестом пирожков было невероятно вкусным. Ненадолго он вспомнил о Бобри, который наверняка так же вспоминал в тот момент о нем. «Как же хорошо старина Бобри умеет готовить!» – подумал Финли, которому стало немного печально от того, что его верного воспитателя и слуги не было рядом. «Как же я буду обходиться без его колбасы, пирожков и отбивных? Как же мне трудно будет без занимательных бесед с ним и наших общих занятий по хозяйству», – думал он.

Покончив с ужином, который оказался достаточно поздним, он прибрался за столом и направился отдохнуть на выделенную ему кровать. Спать ему хотелось сильно, но внезапно Финли одолел поток мыслей, который отвлек его от дремоты. На дворе было тихо и беззвучно, и он решил в этой спокойной обстановке погрузиться в мысли. Он задумался над тем, кто же его родители. «Как долго я буду искать свои корни? Кто моя родная мать, которую я никогда не видел? Где она сейчас? Жива ли?» – спрашивал он себя. Он представлял их возможную встречу и свой рассказ ей о той тоске, с которой он прожил целых шестнадцать лет.

Потом он подумал об отце, которого желал увидеть не меньше, чем мать. «Возможно, мой отец рыцарь, каких не было в Диархинии за всю историю – храбрый и величественный воин!» – размышлял он. Но даже если бы он был просто купцом или крестьянином, или гончаром, к примеру, он полагал, что все равно бы его полюбил и простил ему все те годы разлуки, которые ему пришлось пережить. В тоже время Финли подумал: «Почему я должен прощать родителей за то, что они меня бросили? Неужели за столько лет они не могли встретиться со мной хоть раз? Я непременно понял бы их и наверняка простил им все, если бы они могли объяснить причину своего отсутствия».

Нет, он вовсе не обижался на них за свое детство, ведь у него было все что нужно: верный Бобри дал ему образование и научил навыкам приличного поведения, фехтованию, верховой езде. Бобри сделал из него к шестнадцати годам вполне самостоятельного и начитанного юношу с хорошими манерами, но этого Финли было недостаточно, ведь он хотел узнать свое происхождение и понять свое предназначение в этом мире. С такими тяжелыми мыслями он вскоре и уснул, устав от невозможности найти ответы на мучавшие его вопросы.

Финли не сразу понял, какой был час, когда он резко проснулся от громкого ржания коня во дворе. Сев на кровать, с трудом понимая, что происходит, он посмотрел вокруг – в его маленькой комнате было темно. Конь, а это был точно он, Яблочко, ржание которого Финли различил бы в любое время дня и ночи, был, по всей видимости, чем-то напуган. Почуввав что-то неладное, Финли спешно встал, натянул на себя сапоги и прошел в основную комнату, где он не застал на хозяйской кровати ни Лумпиты, ни Ценаша. «Черт подери, что за ерунда творится?» – подумал Финли и пошел быстрыми шагами во двор, чтобы разобраться в происходящем.

Во дворе стояла темень, а лес за домом угрожающе поглядывал на Финли своей неизведанной дикостью. С того места, где был постой доносилось ржание, которое становилось все сильнее и сильнее. Финли забеспокоился, ведь Яблочко редко так себя вел. Причиной тому могли явиться лисица или волк. Хищники часто заглядывали из леса в частные домовладения поблизости, чтобы полакомиться людской скотиной. Финли вспомнил слова Лумпиты о том, что они не держат домашних животных, поэтому он подумал, что волк или кто-то другой мог возжелать оприходовать в качестве еды его любимого коня. «А где же хозяева? Неужели ушили

куда-то ночью, не предупредив меня?» – напряженно размышлял Финли. Он вытащил из ножен свой меч. Его острие немного успокоило Финли, ведь им он точно мог зарубить и волка, и лису, а если постараться, даже медведя.

Шаг за шагом он начал пробираться вдоль восточной стены дома. Дойдя до угла с южной стеной, Финли аккуратно заглянул за него и увидел небольшой амбар, рядом с которым был привязан Яблочко. На земле, недалеко от коня, лежали маленькие желтые яблоки, упавшие с дерева, которое произрастало поблизости от амбара. Финли, увидев эту картину, разозлился, так как хозяева не выполнили его просьбу не отвели коня в стойло, а привязали его на улице. Ночь была летняя, но надувал ветерок, от которого конь мог простудиться. И к тому же, рядом с Яблочко не было даже корыта с водой. Но все это было для Финли не так важно в тот момент, ведь он был взволнован странностью происшедшей ситуации.

Яблочко не заметил Финли, который стоял наискосок от него, метрах в десяти. Конь смотрел в сторону амбара и продолжал напугано ржать, как будто за его воротами творилось что-то ужасное.

– Тише, тише, Яблочко, я уже здесь, не бойся, – шепотом произнес Финли.

Тот обернулся, увидел хозяина и немного успокоился – ржание ослабло.

– Вот, молодец! – прошептал Финли и, сжав рукоять меча крепче, направился небольшими шажками в сторону Яблочка.

С каждым шагом он ощущал все большее спокойствие своего коня. Холодный ветер обдувал Финли, и его черные короткие волосы колыхались, а тело периодически дрожало всеми мускулами. Приближаясь к амбару Финли начал слышать странные звуки, исходившие из него. Они напоминали и легкое рычание, и постанывание, и чей-то зловещий смех. «Черт бы побрал это проклятое место! Зачем я только остановился здесь?» – подумал Финли.

Внезапно на него нахлынул страх и желание вскочить на коня и мчать подальше от этих странных крестьян и их хибары. Но стремление понять, что происходит за воротами амбара, пересилило страх. «Может быть, фантазия рисует мне зловещие картинки? А вдруг там и вовсе что-то элементарно обыденное, но нехватка сна и усталость разыграли мое воображение?» – подумал он.

Дойдя наконец-то до Яблочка, он обнял его за шею и произнес: «Ну же, ну, я рядом – не бойся! Сейчас я тебя отвяжу, и ты поскачешь к воротам дома и будешь ожидать меня там». Казалось, что он говорил с конем, словно тот его понимал. Яблочко действительно, как бы это ни было странно, понимал все, что говорил ему Финли. Этот конь был подарен ему Бобри на двенадцатый день рождения, и чуть ли не сразу между Яблочко и Финли появилась незримая связь, которая крепла каждым годом. Яблочко был сильным и прытким конем: в нем таилась неумная энергия, которую Финли успешно обуздал.

Финли, не создавая лишнего шума, аккуратно подошел к забору и отвязал коня. Яблочко тут же радостно замотал головой и, получив легкий шлепок по телу, помчал за дом, как ему и было велено. Все, теперь оставалось разобраться с происшедшим в амбаре. Финли пересилил неуверенность и решительно направился к его воротам. Крепко схватившись за поперечную балку на двери, которая была чем-то в виде ручки, он резко рванул её на себя – ворота раскрылись, и Финли увидел то, что не привиделось бы и в страшном сне. На горизонтальных балках, укреплявших свод крыши, висели прочные канаты, на которых были привязаны за ноги трое несчастных бедолаг, свисавших головами вниз.

Одним из бедолаг был мужчина лет шестидесяти с черной бородой и лысой головой – он был полностью голым, а его старческое лицо налилось кровью, и вены на шее были вздуты. Казалось, что он был так обессилен, что вот-вот потеряет сознание. Рядом висела худосочная пожилая женщина лет пятидесяти пяти, тоже голая, с седыми волосами и еще молодая женщина лет тридцати. Глаза той, последней, выражали звериный страх и были промочены сле-

зами. Но молодуха нашла в себе силы и через боль и мучения прокричала, увидев Финли: «Помогите, пожалуйста!»

Финли не сразу смог собраться и оценить все происходившее, так как его взор после открытия двери с ходу пал на пленников, задержавшись на них чуть дольше, чем требовала обстановка. Но уже вскоре он смог осмотреть все помещение амбара. И тут он увидел нечто крайне странное: недалеко от бедолаг стояла железная клетка, в которой находился самый настоящий лесной волк. Волк явно был голоден, так как периодически издавал рычание и норовил вырваться из клетки. Зверь был достаточно жилистым, но не большим, а его серый мех был сильно взъерошен. Финли стоял лицом к его спине, и волк не сразу учуял новую жертву. Через некоторое время он все же обернулся к Финли, наверняка, учуяв своим острым обонянием новый запах, и тогда Финли узрел его угрожающий оскал с огромными клыками и слюнями, стекавшими изо рта.

– Помогите, ну пожалуйста! – еще раз истошно прокричала молодая женщина.

Финли этот крик снова привел в себя, после короткого ступора, произведенного впечатлением от волка. Он немедленно направился вглубь амбара поближе к клетке. Подходить совсем близко было страшно: с каждым его приближением волк все сильнее и сильнее ломился наружу в его сторону. Слава богу, стенка решетки, смотрящая на Финли, была крепко закована, и зверь ничего с этим не мог поделать. Финли захотел аккуратно обойти клетку и перерубить канаты на ногах пленников, но тут он услышал движение за спиной и резко обернулся. Позади него, по все видимости, спрятавшись заведомо по бокам от ворот внутри амбара, стояли Лумпита и Ценеш. Финли понял – он в ловушке. Лумпита была на этот раз настроена совсем иначе: от прежней деланной улыбки не осталось и следа. Её лицо выражало дикую остервенелость, глаза налились яростью, волосы были взъерошены, как на дикой кошке.

– Я тебе говорила, дурень, что надо было с ним кончать, пока он спал! – крикнула мужу Лумпита. В её руках были острые деревянные вилы. Она была готова заколоть Финли ими без промедления. Лумпита медленно начала подбираться к нему.

– Еще один нам не помешает, отдадим его на откуп Сарвару, – уверенно произнес Ценеш, в руках которого был острый, наточенный под свежевание туш нож.

– Смотри, наш гость вооружен! – с издевкой произнесла Лумпита, глядя на меч в руках Финли.

Финли ощутил приближение конца, ведь еще никогда смерть не «подползала» к нему так близко. Теперь то он понял, какую ошибку совершил, решив заглянуть в амбар. Ему было всего шестнадцать, и он имел еще много планов на жизнь, но теперь им, по всей видимости, не суждено было сбыться. Напряжение в амбаре нарастало, и гормоны стресса делали свое: страх Финли перед смертью начал трансформироваться в ненависть. Финли решил, что если уж ему и предстоит умереть, то стоит показать лучшее, что он узнал из обширного набора книг, которые успел прочитать в Фарете. Нужно было задать жару этим упырям!

– Что тут происходит? – крикнул Финли, собрав всю силу голоса, чтобы казаться увереннее. – Вы что, с ума сошли?

– Кровь и плоть люда человеческого, съеденная волком, дает ему силы и власть Сарвара. Ты, мелкая тварь, живущая во плоти человека, не ведаешь силы Сарвара! Ты заслуживаешь быть съеденным этим лесным королем, – заверещала какую-то «мутную» проповедь Лумпита, указывая вилами на волка в клетке. Казалось, что она вовсе не желала слышать Финли. – Вас четверых хватит, чтобы наполнить волка силой Сарвара. А нам хватит его сырых мозгов, чтобы перенять эту силу.

– Лумпита, дорогая, я думаю, что ты не сможешь прикончить его вилами. Давай выпустим лесного короля, – предложил Ценеш. Он, видимо, трезво оценил ситуацию и понял, что баба вооруженная вилами может пострадать от юноши с мечом.

– Заткнись, Ценаш! – огрызнулась Лумпита и ускорила свое движение в сторону Финли, выставив вилы вперед. – Я сейчас намотаю его кишки на вилы!

Финли отчетливо вспомнил четырнадцатую главу учебника «Фехтование мастера Монте», одна из выдержек которой гласила: «Если вы попали в ситуацию, когда соперников много, а вы один и не ожидали стычки, встаньте в позу с вытянутыми руками, держа меч в правой кисти.левой кистью поддерживайте ведущую руку. Держите соперников в поле зрения, описывая своим мечом угрожающую дугу». Финли немедленно занял позу и приготовился к отражению атаки.

Лумпита разбежалась и направилась на него. Всего каких-то три метра и она вот-вот должна была пронзить тело Финли, но в тот момент, когда её скорость стала необратимо высокой, а вилы приблизились в зону безопасности Финли, он резко ушел от удара, описав полный круг телом, и зашел Лумпите в тыл. Дальше нужно было лишь нанести точный удар. Финли занес меч за левое плечо и резким движением правой руки нанес рубящий косо́й удар по спине Лумпиты, от которого та мигом упала вниз животом и мучительно прокряхтела. Через её изношенную котту проступила кровь, которая начала стекать обильными ручейками на пол амбара. Очевидно, что она была мертва.

– Да будь ты проклят Сарваром! Лумпита, ты будешь отомщена! – крикнул Ценаш. Его лицо было наполнено ненавистью. Он схватился за веревку, лежавшую на земле. – Попробуй справиться с ним!

Веревка, изначально незамеченная Финли, вела непосредственно к клетке. Финли еще не понимал, что Ценаш планировал сделать в следующий момент.

– Осторожно, господин, сейчас он выпустит волка, – крикнула молодая женщина, висевшая на канате вверх ногами, которая нашла в себе силы предупредить Финли.

Ценаш дернул веревку, и заслонка клетки приподнялась. Волк тут же воспользовался моментом и резво выбежал из клетки. Он был настолько разъяренным, что всего лишь несколькими резкими прыжками достиг шеи пожилого мужчины, висевшего на канатах, и вцепился ему в горло. Пожилая женщина и молодуха начали истошно кричать от ужаса, происшедшего на их глазах. Они были совершенно беспомощны, пока волк раз за разом вонзал свои клыки бедняге старику настолько глубоко, что без проблем разорвал его сонные артерии, которые в доли секунды оросили кровью огромное пространство рядом с ним.

Ценаш рассмеялся дьявольским голосом и впал какое-то безумие, наблюдая, как на его глазах кровь хлынула из шеи старика. Её капли долетали до лица пожилой женщины. Финли же, не теряя ни секунды, побежал к волку, чтобы нанести удар, но тот был не так глуп и учуял атаку со спины. Волк резко обернулся мордой к Финли и выставил свой окровавленный оскал, приготовившись сделать прыжок. Финли уже не боялся и заглянул в глаза зверю. Их взгляды встретились и прочитали друг в друге желание биться не на жизнь, а на смерть. Прошли доли секунд после короткого разгона и волк совершил прыжок. Финли резко подсел на одно колено и выставил меч в сторону шеи волка, который летел на него. Огромная серая масса мышц и меха накрыла Финли, затем послышалось короткое скуление, и Финли резко вынул меч из шеи зверя, который смог повалить его на землю. Он оттолкнул ногой волка в сторону и встал на ноги.

Времени на передышку не оставалось, ведь тут как тут на него мчал Ценаш, держа свой нож в правой руке острием книзу так, словно готовился нанести удар сверху вниз. Финли смог уклониться от удара Ценаша, который вскоре последовал, и занял боевую стойку. Ценаша было уже не остановить, он занес руку с ножом за плечо для повторного удара, но в следующее мгновение был поражен мечом в грудную клетку. Финли оказался быстрее на этот раз и не стал долго гадать, сразив врага до того момента, как тот успел нанести свой удар. Ценаш мучительно простонал, а из его рта пошла кровавая пена. Финли плавным движением вынул меч

из его тела, после чего поверженный противник обмяк, присел на коленки и вскоре завалился на левый бок.

Все было закончено. В амбаре находились три бездыханных тела и убитый волк. Картина эта напоминала настоящую мясорубку. Финли не заметил сразу, как его лицо и руки оказались в крови, так как во время жесточайшей схватки с безумными Ценешем и Лумпитой было вовсе не до этого. Придя в себя от мощнейшего стресса, после первой в его жизни настоящей схватки, он сразу же подбежал к пленникам. Мужчина на канатах был весь в крови. Финли проверил его пульс – он не определялся. Волк не оставил шансов бедняге, умертвив его свои клыками буквально сразу. Далее, он подошел к пожилой женщине, которая выглядела не важно и была обессилена и бледна.

– Сейчас я вас сниму, обхватите меня, – произнес он. – Вот так, давайте.

Финли перерубил канат и женщина освободилась. Она была истощена пытками, но, тем не менее, поползла из последних сил на коленках к мертвому мужчине и, прикоснувшись к его телу, зарыдала со словами: «Найрел, дорогой, не умирай!» Финли же в это время снял с канатов последнюю пленницу, молодую женщину, которая находилась в более лучшем состоянии и сразу же после освобождения направилась к мертвому мужчине и пожилой женщине.

– Мама, мама – он мертв! – сказала она пожилой женщине, рыдающей над мужем

– Я не верю! – произнесла та в ответ – Кто эти изверги? За что нам все это?

Финли не мог им сказать ничего, так как ему было мерзко на душе, а в горле стоял ком. Ночь у него выдалась кошмарная, ведь он не ожидал, что такое безумие могло приключиться с ним спустя десять часов от начала пути. Он не мог объяснить, кем были Ценаш и Лумпита, и в каких богов они верили. Что-то злое и дьявольское было во всем этом кровавом действе.

Глава 2

Погода стояла жаркая, было ощущение, что ветер забыл направление к обширным степям и черноземам Этарда. Посевы ржи и пшеницы, пышно колосающиеся на плодородных землях, изнемогали от засухи – дождя не было уже четыре дня. Редко какой зверек выглядывал из норы, редко какая змея проползала по земле, пугая лошадей путников, тянущихся по Королевскому тракту к славному городу Этарду. Животные были не глупы и пережидали жару у главной водной артерии этих мест – реки Нифлен и её притоков, питавших землю живительной влагой. Без Нифлена не было бы хваленого этардского зерна, ведь без воды не было бы жизни, а без хлеба не было бы сытно нигде в Нижнем царстве. Жители плодородного графства, столицей которого и был Этард, не обременяли себя сложными названиями своих земель, а именовали их не иначе, как Хлебной кладовой. Гордость местных крестьян и их феодалов подчас зашкаливала от переизбытка собственной важности для государства, как главных хлебопашцев империи. Сотни и сотни повозок ежедневно тянулись от Этарда к Друалю, дабы его королевские амбары и подземные хранилища не пустели, и всегда были полны отменной мукой и зерном.

Финли был в пути уже третий день и, в конце концов, пересек долгожданный Нифлен через «Мучной мост», который соединял два берега реки и был воротами из земель подконтрольных Друалю в Хлебную Кладовую. Мост был каменным и арочным, и при одном его виде появлялось чувство гордости и восхищения, ведь Нифлен был широк и достаточно глубок. Перейдя мост, Финли решил полюбоваться рекой и устроить небольшой привал у её побережья. Он обосновался чуть поодаль от Королевского тракта, от которого тащило пылью и сухостью. Поля в этих местах были настолько обширными, что умудрялись налезать на пространство побережья. Деревьев по близости не росло, все прибрежные листовые посадки остались на северном берегу реки. В сторону Этарда Финли созерцал красивые низкие холмы, также покрытые колосающимися посевами. Королевский тракт красиво проходил меж самых высоких холмов, а уже за ними дорогу было не видно, так как они закрывали собою обзор. На западе уже намного четче виднелись Храмовые горы и их зеленая древесная растительность. Финли подобные пейзажи очень нравились – такой красоты он прежде еще не видел. Природа радовала и удивляла его, и лишь жара со зноем изматывали.

Еды у него осталось лишь на один раз. Он достал из узелка пару последних пирожков да немного вяленого мяса. От мяса уже несло запахом начавшегося гниения, и Финли решил развести костер, чтобы поджарить его, дабы не отравиться. Через некоторое время он уже коптил мясо на огне, нанизав его на свой меч. Яблочко тоже хотел есть, и Финли, не жадничая, поделился с ним пирожком, после чего сам поел мясо и сводил коня на водопой. Покончив с едой и кормлением коня, Финли присел, чтобы немного отдохнуть. В качестве стула он выбрал выброшенный течением реки кусок ствола дерева, сохнувшего на берегу.

В его голове крутились мысли о последних событиях, где ему впервые в жизни пришлось убить человека. Он не хотел насилия и противился ему, но какой-то скрытый внутренний зов заставил его в момент опасности безжалостно покончить с сомнениями во имя спасения себя и тех, кому нужна была его помощь. Он вспоминал, как в ту ужасную ночь он помогал хоронить беднягу Найрела, которому волк перегрыз шею. Он выяснил у выживших пленниц, которые оказались мамой и дочкой, что Лумпита и Ценеш явились к ним за неделю до трагических событий, прикинувшись скитальцами, и попросили переночевать. А позже, воспользовавшись тем, что хозяева спали, они связали их и сделали пленниками амбара. Женщины рассказали Финли про то, что эти двое ненормальных притащили откуда-то волка и постоянно твердили им про некое Сарвара, по все видимости, какое-то чернокнижное божество, которому поклонялись. По словам несчастных женщин, Ценеш и Лумпита грозились накормить волка их телами, а потом съесть мозги зверя, дабы получить какую-то таинственную силу. Этот

кошмарный культ был не понятен Финли, и он с отвращением представлял себе подобное действо.

Нифлен тек завораживающе размеренно, а местами по реке проплывали ветки растений, иногда можно было заметить какое-нибудь гнилое бревно или старый башмак, которые несло по течению в сторону далекого и опасного Мятажного полуострова. Финли готов был просидеть так славно, наблюдая за магнетизирующим к себе течением, целый день, но дорога звала вперед, на Этард! Финли начал собираться, закинув узелок за спину, немного почистив Яблочко от прилипших репейников и другой сорной травы, и тронулся в путь. Час за часом он продвигался вглубь Хлебной кладовой, объезжая временами телеги, кареты и других всадников на своем пути. Несмотря на жару, Яблочко после привала был в отличном тонусе и желал быстрой скачки, и Финли был этому только рад! По пути постоянно встречались крестьяне, трудившиеся на полях, да мельницы, которых в этих краях было несметное количество. Время летело незаметно, и примерно через пять часов быстрой езды Финли увидел впереди, где-то в двух километрах, дома с хозяйствами и решил направиться к ним. Дело шло к вечеру, и Финли не рискнул объезжать повстречавшееся ему селение мимо, дабы не остаться в ночи без крыши над головой.

Когда он наконец-то доехал, оказалось, что село это было достаточно большим: при беглом обзоре Финли насчитал в нем домов пятнадцать не меньше. Дома располагались двумя линиями, и при каждом из них имелся небольшой амбар и дворик, где разгуливали куры и свиньи. По всей видимости, крестьяне тут жили вполне зажиточно, поскольку жилища их были не деревянными или глиняными, а каменными. Однако треугольные крыши домов были настланы поверх прочего соломой, что немного обедняло их общий вид. В селе, ко всему прочему, имелась и центральная мощеная улочка, что придавало ему особую роскошь. Финли неторопливо поехал по этой улочке и вскоре набрел на общественное место, напоминавшее городской кабак и представлявшее собой обыкновенный дом, который по площади был немного больше остальных. Над входом в него висела деревянная табличка, гласившая: «Трактир у Ангиса». Из маленьких окон кабачка доносились живые звуки разговоров, чья-то пьяная несусветица и даже ругань какого-то мужчины, наверно владельца. Финли не стал заходить сразу и еще раз осмотрелся вокруг, в поисках лучшего места для отдыха, чем этот сомнительный трактир. Убедившись, что такого места в этом селе нет, он решил, что начнет отсюда поиск нормального ночлега. Сойдя с коня, он привязал его к забору во дворе и поднялся по небольшой лестнице с пятью-шестью ступеньками к дубовой входной двери кабака.

Финли уверенной поступью вошел вовнутрь, где все оказалось не так плохо, как он предполагал в начале: деревянные полы были чистыми, имелось пять-шесть столов, а атмосфера заведения не отталкивала своей непредсказуемостью.

Сам хозяин, полный усач в разукрашенной красной вышивкой белой рубашке, стоял за стойкой в правом от Финли торце помещения, где у него имелись бочки с напитками. Он и был, по всей видимости, тем самым Ангисом, которому принадлежал трактир. Хозяин сразу же обратил внимание на вошедшего гостя, но не стал ничего говорить, а только внимательно посмотрел на незнакомца.

За ближним к вошедшему Финли столиком сидели трое крепких крестьян средних лет, распивавших что-то из больших кружек. Они были уже прилично пьяны и о чем-то громко разговаривали, матерясь и навлекая на себя недовольные взгляды Ангиса, ругавшегося на них пару минут назад с целью заставить их вести себя поскромнее. Крестьяне небрежно ели варенные яйца, прикусывая их свежими побегами зеленого лука, а на их столе было грязно от сыпавшихся мелкими кусочками яичных желтков и крошек хлеба.

За столом в левом от Финли торце помещения, в дальнем углу, располагались еще двое. Эти, скорее всего, были заезжими, причем знатного происхождения. Они были куда занимательнее крестьян. Финли обратил внимание, что один из них был блондином лет двадцати

восьми со стрижкой до уровня плеч. У него была крепкая гармоничная фигура и наряд благородного покроя. Знатность выдавало котарди бордового цвета с великолепными серебряными пуговицами, которое было украшено сетчатым узором, выполненным золотыми нитями. Котарди на поясе прекрасно сочеталось с черным ремнем, украшенным серебряными вставками. Из-под котарди блондина выглядывала черная котга, бывшая чуть длиннее, почти до нижней трети бедра. На нем были коричневые сапоги и черные шоссы. Его взгляд был надменно игривым, зеленые глаза смотрели исподлобья, то на людей в зале, то на собеседника напротив. Он пил что-то из такой же кружки, что и крестьяне, но из его еды Финли обратил внимание на жареного кролика, аккуратно украшенного зеленью и помидорами, который красовался в сковороде напротив блондина. Его собеседник сидел напротив, поэтому Финли не видел его лица, а только крепкие плечи в темном котарди и густую прядь черных, как мгла, волос.

Осмотревшись, Финли решил занять место за столом сбоку от крестьян, присев спиной к двум знатным незнакомцам, чей столик оставался позади него. Скинув узелок на скамью, он стряхнул с себя налеты уличной пыли и приготовился к разговору с усачом, который уже направлялся к нему. Хозяин приближался немного лениво, но при этом уверенно, а его губы периодически делали различные замысловатые движения, приводившие его славные усы в разные положения, выражавшие то скепсис, то некую настороженность. На его голове была шерстяная шапка с красным бубоном, кои любили носить в этих краях. Хотя жара стояла изнурительная, подобные утепленные головные уборы были скорее неким культом, чем средством защитить голову от холода. Кстати, на крестьянах, распивавших за столиком сбоку от Финли, были такие же шапки.

– У нас имеется пиво и шнагель. Что желает господарь? – спросил трактирщик, подойдя к Финли. Говорил он на этардском диалекте, который незначительно, но все же отличался от друальского присутствием сельских словечек, подобно этому «господарь» вместо «господин».

– Вы не могли бы принести мне кролика, как у того знатного господина, что сидит за мной? – учтиво спросил Финли. Его действительно заинтересовала еда, которую ел блондин – уж больно аппетитно она выглядела!

– Можно. С вас двадцать лангетонов. Пить что будете? Может морс? – произнес трактирщик сухим и неприветливым голосом.

– Вполне сойдет, – ответил Финли.

Усач отправился на кухню, а Финли решил приготовить деньги, чтобы расплатиться за еду. Порывшись в сумке, он вынул оттуда один империк. «Снова империк. Может, хоть здесь-то его разменяют?», подумал он, вспомнив ситуацию с Лумпитой, у которой таких денег с роду не водилось.

Пока хозяин трактира возился с кроликом, Финли решил отдохнуть после долгой дороги. За его спиной блондин вел активную беседу со своим собеседником в черном. Финли старался придерживаться манер и не подслушивать чужие разговоры, но уши так и тянуло узнать немного больше о неизвестных рыцарях.

– Оден, повсюду несут чепуху про Северное предание и про другие всякие предания. Крестьяне мечутся на фоне слухов – некоторые из них вместо работы уходят в леса и придумывают различным еретическим верованиям. Говорят, уже есть и Черное предание, где вообще полнейшая чертовщина написана. Развелось всяких жрецов и предсказателей – ходят по всем царствам и мутят воду, – говорил блондин.

– Да, нас это тоже коснулось. В шахтах под Айронвилем пять-шесть семей предались какому-то животному культу и ушли в ближайшие леса. Лорд Аланей приказал поймать всех. Я лично рубил голову их предводителю! – с неким хвастовством говорил тот, другой, в черном, по всей видимости, Оден.

– Отец приказывает ловить всех, кто привержен тому или иному чернокнижному боже-
ству и сжигать на кострах! Есть лишь Турис и Аспаис, и в них мы должны верить, – продолжал
блондин. – Знаешь, все это дерьмо идет от нашего безвольного короля Роберта. Он постоянно
поддерживает подобные бредни. Говорят, он со своим дядей, лордом Бенеитом, совсем поте-
рял рассудок и чуть не каждый месяц принимает все новых и новых жрецов и проходимцев,
даёт им кров над головой, кормит, выделяет деньги на какие-то обряды и опыты.

– Наш болван Леит не лучше вашего – тоже самое творит. Но я тебе скажу, друг, когда
будет подписана уния, все станет намного хуже, поверь мне, – говорил Оден.

– Соглашусь с тобой: все станет совсем мерзко. А унию подпишут совсем скоро, ведь
через неделю состоится встреча наших королей. Влияние Северного предания растет и, скорее
всего, нам не избежать союза царств. А ты слышал про Северный легион?

– Конечно, слышал: если его организуют, то придется отправлять туда много людей и при-
пасов – это разорит нас. Нужно с этим кончать! – негодуя произнес Оден.

– Подожди, осталось недолго. Мой отец уже имеет неплохой план. Я думаю, что и твой
покровитель вскоре нас поддержит? С двумя безвольными королями нужно кончать. Но будь
осторожнее и не говори кому попало, ведь если кто-то пронюхает планы моего отца – всему
конец.

– Мой покровитель ненавидит все, что начало творится после Второй войны царств. Он
уже давно точит ножи на Каппарисов! – злорадно произнес рыцарь в черном.

Финли внимательно слушал то, о чем говорили незнакомцы, но мало что из этого пони-
мал. А вот имя Бенеит показалось ему знакомым. «Случаем, не тот ли это Бенеит, который
отправил Бобри в Фарет шестнадцать лет назад?», – подумал Финли. Он внезапно захотел обер-
нуться и спросить блондина, кто такой Бенеит и где его можно найти, но решил этого не делать,
так как подобное могло обернуться большими неприятностями – рыцари могли вызвать его
на поединок за подслушивание их разговоров. К тому же, было отвратительно слышать из уст
двух знатных незнакомцев омерзительно крамольные вещи, которые они позволяли себе гово-
рить про королей Нижнего и Верхнего царств. Финли отвлекся от подслушивания, так как усач
трактирщик вернулся с крольчатинной в сковороде, украшенной зеленью и помидорами.

– Господарь, вот ваш крол – давайте деньгу, – произнес он. «Деньгой» у него наверняка
именовались «деньги», а «кролом» – кролик.

Финли поблагодарил хозяина и расплатился. Трактирщик смог дать ему сдачу от импе-
рика, что очень порадовало Финли, и он с двойным аппетитом приступил к трапезе. От сковоро-
ды несло приятным ароматом запеченного мяса! Отрезав себе небольшой кусочек, он с пред-
вкушением приятных ощущение положил его себе в рот и методично прожевал, съев попутно
дольку помидора и огурца. Кролик был изумительно нежным, а его мясо прекрасно сочета-
лось с овощами. Финли был жутко голоден, поэтому четверти крола не стало уже через десять
минут. На какое-то время он отвлекся от беседы рыцарей за его спиной, но вскоре опять услы-
шал интересные вещи.

– Он думает, что унижает мою семью, отправляя меня на переговоры к Йону! – говорил
блондин. – Он ненавидит нас, но это ему дорого обойдется.

– Что думаешь делать? – спросил рыцарь в черном.

– Он хочет, чтобы я принудил дядю сдать оружие и принять власть короны, – ответил
блондин.

– Но ты ведь не так глуп, чтобы предлагать подобное человеку собственной крови?! –
спросил Оден.

– Конечно, нет! Кредо Карлайнов – «своя кровь лучше чужой», – с гордостью произнес
блондин.

– Эуон, я очень тоскую в этих краях по игре! – внезапно сменил тему разговора Оден.
Эуоном он назвал своего собеседника. Финли теперь знал, как зовут блондина.

– А мне не хватает женщин, поэтому я тебя понимаю! – шутливо произнес блондин. – Разве можно в «Хлебной кладовке» чем-то заниматься, кроме как пахать землю и быть по самые ноздри в навозе!?

– Я бы бросил кости с первым возжелавшим игры, но, похоже, подобных людей в этой «Хлебной кладовке» не найти, – произнес Оден, заменив, как и Эуон, словом «кладовка» слово «кладовая», что придавало выражению издевательский манер.

– Потерпи немного! Доедем до Этарда, а там, я полагаю, найдется хоть какое-то достойное развлечение! – подбодрил Эуон.

На этом их диалог завершился, и уже через минуту они покинули кабак. Финли ощутил опустение в трактире после ухода из него двух занимательных рыцарей. Их разговоры, пусть и непонятные ему до конца, давали некоторое представление о сложных хитросплетениях, имевших место в обоих царствах. «Значит, крестьяне сходят с ума и веруют в нечто дьявольское, неподвластное богам плодородия и войны – Турису и Аспаису», – подумал Финли. Он начал понимать теперь, что Лумпита и Ценеш хотели скормить невинных крестьян волку отнюдь не из-за помутнения рассудка – это был ритуал, который преследовал какие-то конкретные цели. «Кто же стоит за всем этим? Может, есть таинственные ордена, верующие в новых богов, неизвестных обычным людям? Почему высшее сословие не удовлетворено своими королями, хотя те даровали крестьянам свободу, а в царствах сейчас мир и процветание?», – терзал себя вопросами Финли. Ответы на них он не находил, как бы далеко мысли не уводили его в дебри размышлений. Тем временем трое пьянчуг за столом сбоку от Финли продолжали свой пир. Они ему были безынтересны и наводили на него тоску своим видом. Единственное, что от них хотел Финли, так это, чтобы они перестали материться и вели себя потише.

Кролик в его сковороде уже уменьшился ровно вдвое, а желудок Финли наполнился до отвала и есть больше не хотелось. Глотнув морса, который оказался приятным на вкус и освежающе кисленьким, и решив немного посидеть после сытного ужина, Финли откинулся на спинку скамьи и ощутил прилив расслабления и сонливости, которое обыкновенно наступает после того, как кровь от головы направляется к желудку, наполненному едой. Просидев так минут пять, он услышал звук отворившейся двери: судя по шагам, вошедший был великаном. Обернувшись, Финли увидел воистину громадного мужчину, который возрастом был еще не стар, но и юношество из него выветрилось уже давно. Ростом он был под метр девяносто; плечи его были широки настолько, что с трудом протиснулись в створ трактирной двери; ладони были здоровенными; на исполине красовалось коричневое кожаное котарди, выполненное немного грубо, по-сельски, со шнуровкой на груди; на животе висел громадный пояс с массивной бронзовой бляхой, на которой красовался герб с рельефным быком. Незнакомец имел короткие светлые волосы, лицо, чьи эмоции выражали сельскую прямолинейность, и угрюмый, недовольный чем-то взгляд. Одним словом, он наводил трепет на окружающих своим внешним видом. Однако, при внимательном изучении, можно было заметить душевную открытость сельского господина, коим этот здоровяк непременно являлся.

Более впечатляющим, чем сам исполин был лишь его огромный меч, висевший в ножнах на спине. Спинные ножны не часто можно было встретить, поскольку подобный метод ношения оружия устарел уже со времен Первой войны царств. Меч исполина представлял собой не что иное, как редкий экземпляр «головосноса». «Головосносом» именовали меч, использовавшийся, как двуручный, с помощью которого отрубали две и более головы во время боя. Мастерством правильного обращения этим мечом обладали очень редкие воины, о чьих подвигах обычно складывали легенды. Пока Финли внимательно изучал незнакомца, испытывая при этом сложные эмоции удивления и восхищения мощью его тела, исполин уже успел решительно подойти к трактирщику, словно должен был в тот момент сказать ему что-то гневное, но в итоге вполне добродушным голосом произнес:

– Ангис, желаю здраве тебе! Утомился я сегодня в поле, гоняя своих наемных бездарей. Принеси мне поросенка молочного да кружек шесть пива налей!

– И тебе здраве, господарь, коль не шутишь! – ответил трактирщик, которого явно порадовал визит завсегдатая, коим исполин наверняка являлся. – Поросенка могу жарить, но придется подождать. А пока присядь где-нибудь – я принесу пива тебе через минуту.

– Пиво – это хорошо! Твое пиво самое славное! – бодро произнес исполин.

– Шутишь наверно, Гривлин?! – рассмеялся трактирщик. – Кроме моего, нет никакого другого! Видимо, ты совсем утомился на жаре! Я один его варю на всю округу – или ты в Этард за пивом мотаешься?!

– А может быть, и мотаюсь, – обиженно произнес здоровяк. – Вот всегда ты так, Ангис, найдешь к чему прицепиться! Как только я тебя не запарол до смерти за твой острый язык, когда ты в холопах у меня ходил?! Ну, пил я пиво еще и у Орсэта – он тоже его варить пытается. Он мне теперь точно спасибо не скажет, если узнает, что я проговорился тебе.

– А-а-а, вот значит, что за дела творятся – поганец Орсэт начал варить пиво в обход наших договоренностей! – с негодованием произнес Ангис. – Скорняк должен заниматься шкурами, а трактирщик – едой и выпивкой! И куда только лезет эта морда! Он ведь занимается шкурами – так вот и занимался бы ими и дальше!

– Ну ладно тебе, Ангис, успокойся. Вы купцы вообще не умеете договариваться, смотрю я.

– Договориться можно с человеком, а не с мошенником, который на той неделе клялся мне, что пиво остается за мной, а шкуры за ним! – продолжал гневаться трактирщик.

Весь этот забавный диалог отчетливо слышал Финли, которому местами очень хотелось рассмеяться, но он решил не шутить со здоровьем и попридержал свои эмоции. Здоровяк вскоре закончил беседовать с Ангисом и развернулся лицом в зал. Немного порыскав глазами, видимо, в поисках подходящего места, он направился в сторону троих пьянчуг, сидевших поблизости от Финли, сбоку от его столика. Пол опять заскрипел и с каждым метром приближения исполина скрипел все сильнее и сильнее, а Финли хотелось в это время провалиться сквозь землю, ведь взгляд здоровяка выражал серьезное недовольство чем-то, и Финли не понимал, что от него можно было ожидать.

– Ах, вот вы чем тут занимаетесь! – грозно произнес исполин, когда приблизился к столику, за которым сидели крестьяне, совсем близко и уставил на них свой тяжелый взгляд. Пьянчуги сразу пришли в себя и виновато посмотрели на Гривлина снизу вверх. Они были прилично пьяны, но угроза, нависшая над ними в виде здоровяка, на некоторое время выветрила шнагель и пиво из их голов.

– А что мы сделали такого, господарь? – спросил один из крестьян, который осмелился взять инициативу на себя и начал оправдываться. – Мы теперь свободные землепашцы! У нас королевские свободники на руках.

– Будь проклят тот день, когда наш светлейший господарь Нижнего царства, Храмовых гор и Кабнара подписал эдикт о свободе свиней, коими вы являетесь! Не смейте себя называть хлебопашцами – вы понятия не имеете, что это значит! – сквозь злобу процедил исполин.

– Сделал, а значит, надо было – короли эдиктов по пустякам не подписывают! – игриво пролепетал другой крестьянин. Видимо, этого мужика забавляла происходившая ситуация, и он решил пошутить подобным замечанием.

– Сучий ты сын, как ты смеешь говорить с господарем Гривлином Остисом в таком тоне?! – прокричал здоровяк, который окончательно вышел из себя от неаккуратного замечания крестьянина.

Пьянчуги почувствовали, что атмосфера накаляется и их взгляды стали напуганными. Тот, что позволил себе шутку особенно насторожился и сделал правильно, ведь уже в скором времени он был выдернут из-за стола крепкими ручищами исполина Гривлина, который затем

с шумом выкинул его на пол. Крестьяне тоже были вполне крепкими, но ни статус, ни происхождение не позволяли им сопротивляться, ведь это могло закончиться плохо.

– Убирайтесь отсюда, сучьи сыны! – прокричал Гривлин, указывая пальцем двум оставшимся за столом пьянчугам на выход. – Были бы вы до сих пор моими холопами – пахали бы в поле все лето. А отказались бы – застегал бы вас кнутами!

Мужики быстро додумали, что нужно было убираться. Подобрал пострадавшего собутельника, они скорее поковыляли восвояси, подальше из кабака. Выгнав неприятных ему крестьян, исполин немного поостыл, и на его лице появилось смущение, которое обычно настигает людей после минуты горячности. Он обернулся лицом к Финли, который с удивлением и настоятельностью наблюдал назад сцену с выкидыванием мужика на пол. Гривлин простовато и подетски улыбнулся ему и пожал плечами, будто оправдываясь в своем буйном поведении.

– Господарь простит мне эту выходку? – спросил исполин у Финли.

– Все отлично, – ответил Финли, пытаясь выдержать непринужденный тон. – Они уже и так тут засиделись!

– Король, по-моему, сделал ошибку, что дал этим холопам свободу, – сказал Гривлин. – Наверно он решил, что эти бездари пойдут трудиться на землю, но вместо этого многие из них просто-напросто начали пьянствовать. Я сдаю им в аренду землю под жалких два империка в год. Они могли бы засеять её пшеном или льном и после жатвы с лихвой бы окупили все расходы, но вместо этого они бегут в города, где промышляют попрошайством и воровством. А я страдаю в поисках наемных работников. Ах да, простите, что не представился! Я Гривлин Остис из рода Остисов.

– Финли... Просто Финли, – произнес юноша, протягивая руку Гривлину, огромная ладонь которого уже ждала крепкого рукопожатия. Финли подумал, что его рука может отсохнуть – настолько сильно её сжал исполин!

– Из какого вы рода, господарь? – спросил Гривлин.

– Мне сложно вам ответить, ведь я не знаю своего происхождения, – немного смущенно ответил Финли. – Одно знаю точно – раз я вырос в замке и у меня есть слуга – я не холоп!

– Нет, я вовсе не намекал на то, что вы можете быть холопом! – начал оправдываться исполин. – Я вижу в вас благородного господина. Кто в наше время точно может знать, кем были его предки и чем занимались?! Один шут разберет! Вот бабка говорила мне, что мой дед – Герлин Остис в Первую войну царств рубил головы вот этим самым «головосносом» в лесах Форрестера, а отец говорил, что все это брехня, что дед рубил их под Айронвилем! И кому верить? Так же дела обстоят и с происхождением!

– И то правда! – ответил Финли.

– Вот, жду свое пиво, – скромно произнес исполин, показывая в сторону кухни трактирщика. Интонация голоса Гривлина при этом намекала на его желание скорее усадить куда-нибудь свою пятую точку.

– Присаживайтесь, господин Гривлин, ведь вы итак за целый день притомились в поле, – учтиво предложил Финли, заметив, что здоровяк неловко мялся перед его столом. Было бы неприлично оставлять нового знакомого в подобном положении, не пригласив его занять место рядом.

– Что есть, то есть! – ответил Гривлин, присаживаясь сбоку от Финли на скамью, которая даже немного прогнулась от его веса. – Пашу всю неделю, и мне эта работа на полях уже прилично поднадоела. Знаете, господарь Финли, я все же верю, что ни поля, ни хлебные ярмарки не являются моим по-настоящему.

– А что же тогда является? – удивленно спросил Финли, которому странно было слышать подобные философские речи от сельского исполина.

– Я верю, что меня должна найти война и свершения на полях брани, а не на хлебных полях. Мой дед воевал в Первой войне царств, отец воевал во Второй войне царств, и оба

заработали славу и почести, а деда сам король Рейгард наградил замком и землями в Хлебной кладовой. Мой сегодняшний замок – «Четыре угла» – это заслуга деда. Перед смертью он велел мне не вздумать заниматься войной и рыцарством, так как считал их пустой тратой времени и отличным способом «просадить» все деньги и славу в кутежах. Он сказал, что бык на нашем гербе отныне должен символизировать не силу и мощь, а успешное земледелие. Таким образом, моя жизнь превратилась в сплошной навоз и пахоту, – с сожалением в голосе констатировал Гривлин.

Тем временем трактирщик вышел в зал и поднес к столу шесть кружек пива. Сильные же, однако, пальцы были у Ангиса: он смог донести через весь зал по три кружки в каждой руке. А кружки были не менее, чем на пол-литра каждая.

– Я слышал, как ты бранился с пьянчугами. Прогнал их! Спасибо тебе! – радостно сказал Ангис, обращаясь к исполину. – Мне они много нервов «потрепали» сегодня, пока сидели тут, поэтому, Гривлин, пиво за мой счет!

– Спасибо, Ангис, но догадываюсь, что за поросенка ты с меня возьмешь один черт больше, чем нужно и компенсируешь и пиво, и даже скамейку, которую я успею прогнуть, пока сажу на ней!

– Да брось, господарь! Щедрее трактирщика, чем я, ты во всей округе не сыщешь. Или к Орсэту пойдешь за его пивом? А он-то тебе нальет ослиной мочи! – произнес Ангис с нескрываемым раздражением, снова вспомнив о наболевшем факте варения пива его конкурентом. Видимо, борьба за то, кто будет поить местный народ, была в этих местах «острым вопросом».

– Все, даю клятву рода Остисов, что хожу с этой минуты только в твой трактир за пивом и никуда больше! А теперь проваливай на кухню за моим поросенком и не отвлекай меня от беседы с моим новым знакомым! – шутливо сказал Гривлин и указал ладонью на Финли.

– Прекрасный делец! – произнес исполин, как только трактирщик ушел. – Он был моим холопом до королевского эдикта о свободе, а теперь организовал свой трактир и стал виднейшим купцом в округе. Свобода идет на пользу некоторым людям, но далеко не всем.

– А еда у этого трактирщика действительно отменная, – заметил Финли, еще раз взглянув на половинку кролика в сковороде.

– Он свою монету получает не за так! Еще будучи моим холопом, он лучше всех мог запечь поросенка на вертеле, когда я ездил на охоту. А теперь вот радуется своему варевому всю округу! – сказал Гривлин, ощущая гордость за то, что когда-то такие люди, как Ангис, были его крестьянами. – Юный мой друг, куда ты держишь путь? – продолжил Гривлин, отбросив формальности и начав общаться на «ты». Финли заметил – несмотря на различное происхождение, с трактирщиком Гривлин общался исключительно по-свойски.

– У меня есть маршрут длинного пути, но тебе сложно будет понять то, зачем мне нужно его пройти, – ответил Финли. – Дело в том, что все мое происхождение покрыто завесой тайн. Я не знаю, кто я, и кто мои родители. Я рос в замке со слугой и никогда не видел мира вокруг, кроме родного Фарета. Правда, я читал много книг по географии, но уже сейчас вижу – наш мир куда больше, чем написано в книжках.

– Книжки – это здорово, но познать мир из них не реальная задача, – зафилософствовал Гривлин. – А не знать рода своего – хуже и наказания не найдешь. Но я думаю, что тебе не стоит расстраиваться, ведь кто ищет, тот всегда найдет. А у тебя есть какие-нибудь догадки?

– Ты не слышал про какого-нибудь человека с именем Бенеит?

– Бе-не-ит, дайка подумаю, – произнес задумчиво исполин, предварительно хлебнув глоток пива из кружки. – Я знаю только одного Бенеита – Бенеита Лангетона. Это очень знатный лорд, еще и дядя нашего короля, властелин Эвеза и Храмовых гор, первый лорд-советник Друаля. Но навряд ли этот человек имеет хоть какое-то отношение к тебе – уж очень он большая птица!

– Значит, говоришь, брат короля, хм, – произнес Финли. – Мой слуга и воспитатель Бобри говорил, что его прежний господин имел имя Бенеит. Он, этот Бенеит, отправил моего слугу когда-то в свой пустующий замок в Фарете, чтобы тот проследил за ним. Бобри следит за замком уже шестнадцать лет и больше никогда не встречался со своим господином вновь. А еще, в день прибытия моего слуги на новое место, объявился некий человек в черном и передал ему маленького меня и наказал Бобри оставаться при мне всю жизнь и беречь от любых невзгод. Мы так и не знаем, кем был тот человек в черном, и какое он отношение имел к загадочному Бенеиту.

– А твой слуга Бобри не рассказывал тебе о своем прежнем господине Бенеите подробно?

– Он вообще, знаешь, не любит говорить на тему моего происхождения и своего прошлого, несмотря на все мои расспросы.

– Давай съездим и потрясем его хорошенько! – предложил исполин, показав Финли воображаемое потряхивание Бобри сжатыми в кулак кистями.

– Да ты что! Он мне как отец и мать в одном лице. Если он чего-то и не договаривает, значит так надо, и я не хочу его допытывать. Я должен выяснить все сам – так будет вернее.

– Извини, я не подумал, что тебе дорог твой верный слуга, – произнес Гривлин. – Ты прав: все же тебе нужно искать истину самому. Но я уверен, что твое путешествие даст ответы на все твои вопросы, а сейчас давай больше не будем говорить о грустном, а лучше выпьем пива!

Еда начала усваиваться, и у Финли освободилось место в животе: он решил не отказываться от предложения Гривлина выпить вместе с ним. Они бодро опрокинули по три кружки, а затем подоспел и поросенок. «Молочного» зажарили до румяной корочки, внутрь запихали яблок, а по бокам блюда разложили овощи и зелень. Гривлин решил «добавить» и заказал еще несколько кружек пива. Финли почувствовал прилив аппетита, и они вместе с исполином принялись за его поросенка, запивая его приятным хмельным пивом Ангиса. Разговоры потекли рекой: история за историей, рассказанные друг другу за столом, сближали новых знакомых все сильнее и сильнее, и между ними появился доверительный тон. Исполин оказался интересным рассказчиком и вполне образованным вельможей. С каждой новой кружкой он становился откровеннее, и ему уже сложно было скрыть от Финли свое разочарование сельской жизнью. Гривлин тяготился ношей хозяйственника, хотя ему и удавалось успешно вести дела. Как оказалось, он имел много земель, засеянных пшеном, льном и кукурузой, держал свиней и кур, имел амбары и другие хозяйственные постройки не далеко от замка «Четыре Угла». Гривлин часто навещал зерновые ярмарки Этарда, где сбывал купцам свой урожай. Денег у него было много, но счастлив он не был, так как зарекся не жениться пока не найдет себя на войне и в службе. Финли же рассказал исполину свои похождения в хибаре у Ценеша и Лумпиты, где чуть было не лишился жизни.

– Друг Финли, скажу тебе, что ты легко отделался, – произнес Гривлин, потрясывая указательным пальцем в воздухе. – Некоторое время назад возникло новое верование, имя которому – Черное предание. Страшные дела творятся! Слышал я, что те недалекие люди, которые молятся на Черное предание, едят мозги волков, так как верят, что после этого обратятся в сверхсильное существо и смогут создать новый вид человеческий, которому ни в силе, ни в прыти ни один лучший воин обоих царств не сможет противостоять. Сумасшедшие, что бродят по округам, говорят, что когда наступит эра Сарвара, люди, не успевшие ему подчиниться, будут растерзаны.

– Знаешь, Гривлин, я тоже слышал от сумасшедшей еретички Лумпиты про некого Сарвара. Он их бог, как я понял, но бог очень кровожадный, по всей видимости, если ради него губят невинных людей.

– Еще бы! Говорят, очень многих людей постигла участь подохнуть от кровожадных обрядов верующих в Сарвара, – добавил исполин.

– А откуда взялось это Черное Предание? Кто за ним стоит? – с любопытством поинтересовался Финли.

– Черное предание родом из Храмовых гор, как я слышал. Если будешь проезжать поблизости, то не рекомендую тебе долго задерживаться в тех краях. Многих еретиков с длинным послужным списком «кровавых дел» разыскивают там. И беглецы с Мятажного полуострова тоже бегут именно туда, ведь скрыться там проще простого: в горах много пещер, а в лесной чащобе гор, где нет дорог, сложно поймать дезертиров и бунтарей. А кто в точности принес в наши царства это предание, я тебе не скажу, потому что я не знаю, – сказал Гривлин и отпил из своей кружки большой глоток пива.

– Темные дела, однако, – заключил Финли, после слов Гривлина.

Вечер же плавно перетек в полночь и Финли уже прилично устал, и хотел прилечь поспать, но спать было негде.

– Мне неудобно тебя просить, уважаемый Гривлин, – скромно начал он, – нельзя ли мне переночевать у тебя в замке?

– Что за вопросы?! – бодро ответил Гривлин, по голосу которого практически не чувствовалось его опьянение. Казалось, исполин мог пить пиво ведрами и не пьянеть. – Мы немедленно едем ко мне, где и заночуем, а завтра я тоже поеду в Этард, где мне нужно продать несколько телег зерна. Если ты не против моей компании, то выпавшись и позавтракав, мы отправимся в путь вместе!

Уже вскоре они распрощались с трактирщиком и направились в «Четыре угла». Дорога была не долгая, ведь замок Гривлина располагался всего в паре километров от села, на равнинной местности с густыми полями. Замок оказался небольшим и действительно имел четыре башенки на углах крепостных стен, придававших ему вид квадрата, благодаря чему он и получил свое забавное название. Поблизости от замка располагались несколько хозяйственных построек и домов для работников. Света в окнах домов уже не было – все крестьяне спали. Сам замок стоял на запруде, игравшей роль естественной водной преграды на пути к главным воротам замка, которые соединялись с сушей деревянным мостом метров десять длиной. Свистнув громко при подъезде к замку, Гривлин обозначил, что вернулся, и через пару минут распорядитель его хозяйства, пожилой мужчина с проплешиной и редкими волнистыми волосами, отворил им ворота. Когда они наконец-то очутились в «Четырех углах», Гривлин велел подготовить для Финли спальню в главном донжоне крепости и приказал распорядителю не будить гостя, пока тот не выспится в свое удовольствие.

В обед солнце уже стояло в зените и залило спальню Финли своим ярким светом. За окном распелись птицы и петухи, и от их шума невозможно было спать. Проснувшись, Финли лениво потянулся в кровати. На несколько секунд, пока он еще полностью не пришел в себя, ему показалось, что он и не уезжал из родного Фарета. Вот, сейчас, представилось ему, зайдет Бобри и принесет ему завтрак, потом они пойдут во двор, и Финли попросит его побыть партнером по фехтованию, а уж в самом конце, после занятий, они поработают в хозяйстве замка. Но, оглянувшись и узрев не вполне знакомую обстановку, он вспомнил, что находится в гостях у исполина Гривлина. Видимо, выпитое вечером пиво все же «прихмелило» Финли не дурно!

Комната, в которую его устроил Гривлин, была аскетична, даже немного груба, если уж быть откровенным. В обстановке не было ничего лишнего: кровать с навесом и бордовыми ширмами из дешевой ткани, простенький сундук и такой же примитивный шкаф, отсутствие стола в комнате, односложные подсвечники на подоконниках. Мебель отличалась строгостью форм и дешевизной материалов, использованных для её изготовления – то ли сосна, то ли еще более дешевое дерево определил Финли взглядом, бегло осмотрев предметы интерьера. Хозяин однозначно не был транжирой, судя по мебели в спальне для гостей, которая, по тра-

дициям дворянства многих веков, должна была поражать ночевавших в ней друзей хозяина своей роскошью.

Пробудившись полностью, Финли подумал, что неплохо было бы принять ванну, ведь он долго не мылся, так как в дороге не было возможности позволить себе подобную роскошь. Гривлин же, будучи предусмотрительным хозяином, позаботился об этом и с раннего утра приказал распорядителю приготовить купальню в комнате Финли, пообещав дать оплеуху, если гость проснется от его шумных телодвижений. Слуге в итоге удалось все проверить бесшумно. Финли не сразу заметил купальню и настолько обрадовался, увидев её, что тут же сбросил с себя всю одежду и кинулся к ней. Мытье заняло некоторое время. Тело задышало всеми порами – появился прилив бодрости! После, одевшись, он спустился в общую залу донжона, где хозяин уже восседал в каменном кресле за столом средних размеров, на котором была настлана чистейшая белая скатерть и стояли яства.

– Дорогой мой гость Финли, как спалось тебе в моем скромном жилище?! – радостно встретил его Гривлин. – Садись за стол! Пейфит, наложи гостю сосисок и овсянки.

– Премного благодарен тебе, достопочтимый Гривлин! Я спал как ангел в твоём уютном замке! – ответил Финли, присев на скамейку сбоку от хозяина.

Пейфит активно начал возиться с едой: накладывал он все по-царски, видимо, по привычке, как и своему могучему хозяину. Распорядитель хозяйства производил впечатление очень толкового слуги, ведь делал он все молча и быстро. Казалось, что он настолько боялся гнева господина, что не желал проверять могущество «горячего словца» Гривлина на себе.

– Как только поедим, немедля отправимся к Королевскому тракту, а иначе мы не успеем добраться до Этарда к вечеру. Оставаться же с кучей зерна в телегах на ночь глядя совсем негоже! Пейфит, приготовь все к отправлению.

– Господарь, все уже готово, – сухо отчитался распорядитель.

– Отлично, тогда осталось лишь дожидаться гостя! – произнес исполин, взглянув на Финли. Лицо Гривлина при этом растянулось в доброй улыбке. – Но не смей торопиться, друг, поешь хорошо – впереди нас ждет лишь сухомятка.

Какие же хорошие домашние сосиски были приготовлены Пейфитом – при желании они бы дали фору друальской колбасе, которую покупал Бобри! Овсянка тоже была вкусна и хорошо проварена, что в итоге оставило приятное впечатление у Финли. Некоторое время спустя с завтраком было покончено. Затем, собрав быстро личные вещи, они с Гривлином, не медля, отправились в путь. Погода не радовала: жара продолжала печь воздух, делая его удушливо горячим. Две большие телеги, подготовленные Пейфитом и прицепленные друг за другом, были нагружены мешками с зерном под завязку. После проверки телег на работоспособность они выехали из замка. Финли уселся рядом с исполином на ведущую телегу, которая была обыкновенной, но для удобства хозяина спереди у неё был организован вполне комфортный облучок. Бодрый и сытый Яблочко поскакал рядом с кобылой, которая тащила телеги, – сегодня у Яблочка был выходной!

Уже через полчаса они оказались на королевском тракте, где в этот день было достаточно много путников. Всех их морила жара, а лица бедолаг, которые не слезили с коней уже много часов, выражали муку. Гривлин же был сконцентрирован и старался скорее «накрыть» как можно большее расстояние, боясь не успеть до города к вечеру. Время в жару всегда течет медленнее, но через девять часов изнуряющей дороги с единственной остановкой у одного из притоков Нифлена, где были напоены кони и организован скромный обед, они все-таки увидели огни славного града Этарда.

– Доехали, слава Турису и Аспаису! – радостно произнес Гривлин, глядя на огни центральных ворот.

– Неужели я сегодня увижу первый город в своей жизни, который больше Фарета?! – восхищенно спросил Финли.

– Извини меня, но твоим Фаретом только дрова топить в Этарде, ахах ха-ха! – рассмеялся исполин. – Знаешь ли ты, как красив Этард?! Может, лишь Варза и Друаль составят ему конкуренцию, но уж точно не Фарет!!!

– Я согласен, Гривлин, наверняка ты прав! – ответил Финли.

– Сегодня снимем номер в гостинице и закажем женщин! А завтра отправимся напрямиком на ярмарку! – радостно произнес Гривлин. – Чего ты засмушался, мой друг? Ах, конечно, и как я не догадался сразу – ты еще не был с женщиной! Я прав?!

– Мне всего шестнадцать, друг, увы я еще не опытен, – смущенно произнес Финли.

– Это дело поправимое, друг! Сегодня ты узнаешь вкус женщины! – с легкой пошлостью в голосе произнес исполин.

Финли призадумался. Женщины? Наверно с ними очень не просто завести общение? Он ведь вовсе не имеет опыта. Фантазии начали сыпаться на него из рога изобилия. Вообще, он умел контролировать свои эмоции и тело и редко впадал в ступор при виде красивой незнакомки, но сама возможность близости с противоположным полом показалась ему необычной, даже немного сумасшедшей затеей. Он всегда представлял себе этот момент как нечто сокровенное и удивительное, а не вот так – «будут тебе женщины, если пожелаешь». Он решил не травить себя бесплодными фантазиями до того момента, как что-то подобное не замаячит перед ним вполне реальной возможностью и переключился на другие размышления.

– Гривлин, я хотел узнать у тебя, почему знать обоих царств недовольна своими королями? – спросил он неожиданно у исполина, который в это время усердно работал с вожжами, желая ускорить приближение к Этарду.

– С чего ты это взял? – удивленно спросил в ответ здоровяк, не оборачиваясь к Финли лицом.

– В том кабаке, где мы с тобой отдыхали вчера, два неизвестных мне рыцаря, беседуя друг с другом, очень непристойно отзывались о нашем правителе, также о короле Верхнего царства, да и вообще, о многом, обсуждали какие-то темные дела. Тебя в тот момент еще не было там, но я думаю, что тебе показался бы занимательным их разговор, – ответил Финли.

– Зря меня не было там – я бы непременно вызвал этих слизняков на поединок, – грозно произнес Гривлин, повернув голову к Финли. Он был решительно возмущен тем, что кто-то позволил себе оскорбить его короля. – За Роберта Лангетона, нашего славного господаря, я готов отдать свою жизнь, не думая ни о чем! Он очень необычный человек и правитель тоже своеобразный, но это не причина отзываться о нем плохо!

– Но ведь что-то он наверняка сделал не так, раз люди высказывают недовольства?

– Пойми, короли делают только то, что хотят, и не наше дело это обсуждать. Главное, чтобы их дела были полезны царству и его славным рыцарям, – убедительно ответил исполин.

– А его приверженность жрецам и преданиям? – не отставал Финли, которому хотелось узнать побольше.

– Да, он верит в Северное предание и не скрывает своей приверженности предсказаниям и пророчествам, – немного тоскливо начал Гривлин, – но он имеет на это право, ведь это предание предвещает нам конец от невиданных сил из Северных пустошей, а король желает побороть эти силы. Хотя, я считаю, что вся эта магическая чушь про дьявольские силы близка к помешательству и готов тысячу раз спорить с любым вельможей или купцом, насколько глупы подобные байки, но я не рискну оспаривать право короля на свое мнение. Ведь он все же мой сюзерен!

– А ты знаком с содержанием Северного предания? – спросил Финли.

– Мне о нем говаривала бабка, которая застала период, когда некий белый маг по имени Альвис бродил по округам обоих царств вместе со своими учениками и распространял свои откровения, данные ему якобы свыше.

– И кто же был тот маг, откуда он взялся?

– Никто не знает, ведь он ушел также таинственно, как и появился. Оставил кучу папирусов после себя, которые через его последователей дошли до самого Роберта, бывшего в то время лишь младшим сыном короля Рейгарда Могучего Лангетона. На Роберта предание оказало сильнейшее впечатление – он убедился в необходимости мира в обоих царствах и скорейшей подготовки к отражению нападения дьявольских сил. Его отец Рейгард вел тогда Первую царскую войну против Мэйтланда Кровожадного Каппариса, властелина Верхнего царства. Из-за чего та война случилась, сегодня никто и не вспомнит, наверное. Война забирала с собой тысячи жизней лучших воинов, сотни гектаров пашни было уничтожено, не один замок был разрушен. После короткого перемирия, длившегося не более года, началась Вторая царская война, которую после смерти отца продолжил старший сын Рейгарда – Араис Лагетон Воинственный, брат Роберта. Всем тогда казалось, что вторая война окончательно погубит обе империи, ведь Араис был жутким «задирой» и желал довести войну до полной победы. Но все-таки случилось нечто невероятное: Роберт в ходе ссоры то ли случайно, как говорят некоторые, то ли умышленно заколол родного брата. Естественно, знать Нижнего царства в большинстве своем была этой неожиданной развязке только рада и уже вскоре провозгласила его королем. Став властелином, чего он не так уж сильно жаждал, он тут же решил связаться через посланников с Мэйтландом. Но старый и дряхлый Мэйтланд, великий когда-то правитель Верхнего царства, каким-то образом упал со своего коня на охоте и погиб раньше получения послания. Совпадением ли была та смерть или чьим-то коварным планом, один Турис да Аспаис теперь ведают. К власти же в Верхнем царстве после смерти Мэйтланда пришел Леит Каппарис, его сын, который прочел послание, предназначавшееся его отцу, и согласился на переговоры с Робертом Лангетом. Сложно представить теперь, согласился бы на подобное проявление слабости его отец – Мэйтланд. Я думаю, что он порвал бы послание, даже не прочитав его, так как желал полного разгрома Нижнего царства и был против перемирия.

Во время исторических переговоров пылкие речи Роберта Лангетона о нашествии невиданных сил с севера, о страшных муках, которые ждут народы обоих царств, если вовремя не подготовиться к отражению атаки, произвели должное впечатление на Леита Каппариса. Короли, как оказалось, стояли друг друга, и оба с головой окунулись во всю эту магическую чушь. Так они и стали единомышленниками, а вскоре их частые встречи сделали их практически друзьями. Их общий интерес к Северному преданию подкрепляется постоянной поддержкой двух знатных лордов с каждой из сторон. Роберта поддерживает его дядя – Бенеит Лагетон, лорд Эвеза и Храмовых гор, первый жрец Туриса, лорд-советник Друаля, который давно практикует с магией и жреческими ремеслами. Он часто дает приют в своих монастырских замках различным жрецам и белокнижникам, подкармливая их, выделяя средства на дорогостоящие обряды и опыты. По всей видимости, он поглощен идеей найти новые способы защиты от невиданных сил, новые средства войны. Говорят, и поныне он занимается тем же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.